

ФЪЕЗОЛАНСКИЕ
НИМФЫ

Перевод Ю. Верховского

I

Амур мне петь велит. Пора настала.
Он в сердце, как в дому, провел лета.
Великолепье сердце мне связало,
Блеск ослепил; я не нашел щита,
Когда лучами душу пронизало
Сиянье глаз. Владеет мною та,
Что, ночь и день из слез и вздыханий
Сплетя, томит — вина моих терзаний.

II

Амур меня ведет и побуждает
В труде, что я отважился начать!
Амур меня на подвиг укрепляет,
И дар, и мощь — на всем его печать!
Амур меня ведет и просвещает,
Внушив мне долг — о нем повествовать!
Амур меня подъял для воссозданья
Старинного любовного преданья!

III

И вот — всю честь ему воздать я смею:
Ведь водит он один пером живым,
Что вручено мне донною моею
Достойнейшей: никто с ней не сравним.
Всех выше добродетелью своею,
Красой и благородством неземным,
В упрек она не слышала б ни слова,
Когда б хоть миг была не столь сурова.

IV

Теперь молю у вас я обороны,
Любовники счастливые! Мой враг —
Завистник злоречивый, распаленный
Да всякий, кто в любви и нищ, и паг.
И вас, все в мире дорогие донны,
Не с сердцем ледяным, от ваших благ
Молю — молить одну: не будь надменной
С тем, кто перед тобою — раб смиренный!

V

Давно когда-то Фьезоле не знало
Ни степ, ни частокола; весь народ —
А было там людей в те поры мало —
Ютился у излюбленных высот
Окружных гор; и брошена лежала
Впизу равнина — из-за терпких вод
Болотных, непригодных человеку
И разливавшихся в большую реку.

VI

Царила вера ложная в то время
В порочных, лживых, грубых, злых богов,
И так взросло зловреднейшее семя,
Что всякий мнил: их светлый лик таков
На небе, как и здесь. Людское племя
Им не жалело празднеств, и даров,
И почестей. А всех превыше чтили
Юпитера в его державной силе,

VII

Еще царила той порой богиня,
Что названа Дианою. Она,
Для многих жем заветная святыня,
От девственниц особо почтена.
И той — ее прямая благостыня,
Что век свой целомудрию верна.
И с торжеством таких она немало
В свои леса и роци принимала.

VIII

А многие бывали при рожденье
Посвящены родителями ей —
То по обету, то в благодаренье
За милости и блага для детей.
Диана всех брала в свое владенье
Охотно: для нее всего милей
Девичество хранить, бежать пред мужем:
Пускай мы браку, суетные, служим.

IX

Итак, по всей земле высоко чтили
Богиню-девственницу. Но к холмам
Вернемся фьезолапским. Тут служилл
Ей ревностно. Во славу ей, а вам
В услышанье перескажу я были
О девственном содружестве. Все там
Тогда прозваньем *нимфы* величались
И с луком и со стрелами являлись.

X

Из этих дев Дианой набиралось
Число большое тут, в краю холмов,
Хоть в их среде открыто оставалась
Она лишь изредка: на пей трудов
Лежала тьма: для всей земли старалась
Дать от обид мужских она покров;
Но ежели во Фьезоле бывала,
Такой и вид, и облик принимала:

XI

Стройна и высока, равна красою
 Величью, взором и лицом она
 Лучилась столь лучистою звездою,
 Что верилось — в Эдеме создана,
 Вблизи слепила смертный взор собою,
 Сиянием лучей окружена,
 А кудри светлые — не словно золото:
 Их цвет к лицу шел более богато.

XII

Она обычно вольно распускала
 Над шеей незакрытой их разлив;
 Туника в легких складках ниспадала,
 Стан стройный покрывала, не сокрыв;
 Ткань тонкая вся белизной сияла
 Безукоризненной; на ней красив
 Был крепкий пояс; а поверх порою
 Пурпурный плащ — огнистою игрою.

XIII

Летами — двадцать пять — являлась дева,
 Как юной мощи полная пора.
 Во длани лук она держала слева,
 Колчан висел у правого бедра,
 Весь полный стрел, — разить в порыве гнева
 Не только зверя, — нет: разит, бодря,
 За пимф и за себя пылая местию,
 Мужей, кто б ни был — шаг ступи
 к бесчестию!

XIV

И Фьезоле такую посещала
 Диана — нпмф любезных повидать,
 Им милости и блага расточала
 И часто их любила собирать
 У светлого ль ручья, иль где ширяла
 Лесная тень, — в те дни, когда сиять
 Дано все выше солнцу и согрето —
 Не в холоде, не в зное — медлит лето.

Тут нимф она в беседах укрепляла
 Блюсти священный девственный обет.
 Подчас охоты, ловли обсуждала —
 Занятий их любимейший предмет —
 Меж тех холмов: они зверей немало
 Травили, их отыскивая след.
 К успехам впрямь и ради упражненья
 Она давала девам наставленья.

XVI

Она была их мудрая опора,
 Как я сказал, в ловитвах и стрельбе.
 А уходя, всего того собора
 Наместницу Диана по себе
 Им оставляла — нимфу, властно, скоро
 Ее избрав. И в клятве и божбе
 Все обещали ей служить покорно
 Иль гибнуть от ее стрелы позорно.

XVII

Ей подчинялись с ревностью великой,
 Она как бы Дианою была.
 И каждая, одетая туникой
 (Льняная, тонкотканна и бела), —
 Гроза смертельная всей твари дикой,
 У каждой лук — на смелые дела.
 Хоть леопард ей попадетя пестрый, —
 Без промаха сражен стрелою острой.

XVIII

Тогда земля цвела красою мая,
 Цветами яркими светился луг,
 И соловьи, блаженство изливая,
 У светлых вод влюбленность пели вслух.
 И юноши, в огне любви пылая,
 Отвагой радостной питали дух,
 Когда во Фьезоле пришла Диана
 Держать совет средь воинского стана.

ХІХ

Среди цветов и трав земного лона,
У светлого ручья, что чуть шумит
И медленно влечет волну у склопа
Чечер-горы, с той стороны, где вид
На солнце в полдень, в выси небосклопа
Лицом к лицу слепительный открыт, —
Ручья, что ныне все зовут Аквелли,
С Дианой нимфы всей толпой сидели.

ХХ

Итак, толпа блестящая шумела
На светлом берегу у ручейка.
Одна из нимф неожиданно, быстро, смело
Воспрянула, прямо, стройна, легка,
И в рог певучий громко зазвенела,
Чтоб смолкли все. И рог молчит. Рука
Рог опустила. Все сидят. Молчанье.
Все смотрят на Диану в ожиданье.

ХХІ

Опа сказала, как обыкновенно,
Что каждая должна себя блюсти,
Чтоб муж не подошел к ней дерзновенно.
«А лишь случись мужчину здесь пайти,
Извергну, как врага, его мгновенно, —
Посмей оп к вам с обманом подойти
Или с насильем. Та ж, кто обольстится, —
Та жизни от руки моей лишится».

ХХІІ

А между тем, сокрытый в чаще темной,
Где этот грозный заседал совет,
Безусый юноша, румяный, скромный, —
Да было ль Африко хоть двадцать лет? —
С кудрями светлыми, с улыбкой томной,
Весь — словно лилия иль роза, нет —
Как яблочко (здесь, недалеко, с детства
С родителями жил он без соседства), —

XXIII

Вдруг юноша, сокрытый, очутился
Вблизи Дианы. Шаг еще ступил —
И говор нимф, что звонко разносился,
И вид живой его остановил.
Тогда в пещеру тихо он сокрылся,
И слушал, и дыханье затаил.
Невидимый блистательным собором,
В него впился он напряженным взором.

XXIV

Глядит: Диана, властная, сурова
В делах и в мыслях, выше всех стоит,
И говорит, и запылать готова,
И гневно луком, стрелами грозит;
А нимфы робки, не проронят слова,
Страшит их и чарует грозный вид
Ее чела, — безмолвны, бездыханны,
Потрясены угрозами Дианы.

XXV

И видит: по велению богини,
Встает одна из нимф, легка, быстра
(А избрапа по той она причине,
Что всех достойнее). «Пришла пора, —
Глас прозвучал, — вас покидаю ныне.
Сидите. Слушайте. Стоит сестра
Пред вами, Альфипея. Почитайте
Ее теперь как бы меня. Прощайте».

XXVI

Стоял и слушал Африко, дивуюсь.
И приковала взор его одна.
И через миг, лицом ее любуюсь,
Почуял: сердце ранено до дна.
Уже вздыхал и чувствовал, волнуясь,
Огонь любви. Так жарко зажжена
Желания вся нега: любоваться
Лишь ей одной, одпой — не оторваться.

XXVII

Он говорил себе: «О, кто б со мною
Равнялся в счастье, — только бы ее,
Вот эту девушку — назвать женою?!
Мне сердце шепчет вещее мое:
Никто б не жил блаженней под луною.
Когда б не гнев богини — о, свое
Свершил бы я, — се бы взял я силой,
И у меня никто б не отнял милой».

XXVIII

Так чаща свежая еще таила
Любовника влюбленного, — воздев
Чело, Диана видит, что светило
Дневное в небе никнет, потускнев,
Лишенное лучистости и пыла, —
И вот она и лик веселый дев
Идут на холм, поют, непринужденны,
Прекраснейшие песни и канцоны.

XXIX

И Африко, очей не отрывая,
Глядит и слушает. Встают, и вот
Его любимую зовет другая:
«Пойдем же, Мензола!» Она встает —
И так легка, подружек нагоняя!
Рассыпался прекрасных нимф народ
По хижинкам укромным понемногу,
Диану проводивши в путь-дорогу.

XXX

Пятнадцать было нимфе лет едва ли,
Златились кудри длинные у пей,
Ее одежды белизпой сияли,
Прекрасен был лучистый взгляд очей.
Кто в них глядел, не ведал тот печали;
Вид ангела, движенья — нет стройней,
Рука стрелой играет заостренной.
Но где теперь покинутый влюбленный?

XXXI

Он одинок, задумчивый, унылый,
 Безмерному страданью обречен.
 Оставленный прекрасной милой,
 Без сил прервать мелькнувший страстный
 сон, —
 «Увы мне! О, с какою мучит силой
 Минувший миг блаженный! — молвит он. —
 Подумать только: где и как найду я
 Теперь ее, в отчаянье тоскуя?»

XXXII

Не знаю той, что вдруг меня сразила,
 Хоть слышал: Мензола — так имя ей.
 Покинув, осмеяла, изъязвила,
 Меня не видева, о любви мой
 Не ведая. О, знай: мне все не мило,
 И груз любви — что миг, то тяжелей!
 Ах, Мензола прекрасная, мне больно!
 Твой Африка покинут, хоть невольно!»

XXXIII

Потом он сел, где милая сидела,
 Где только что он любовался ей,
 Прелестною; все глубже пламенела
 Огнем кипящим грудь, все горячей,
 И, паземь повергаясь то и дело,
 Он для игры Амуровых затей,
 Лобзал траву, шепча: «О, ты блаженна:
 Тебя касалась та, что совершенна».

XXXIV

И говорил: «Увы мне! — вздыхая. —
 Судьбина зла. Сегодня же вела
 И соблазняла — о, совсем иная!
 Счастливого — злосчастью обрела, —
 И девушка-дитя, сама не зная,
 На жалкий путь страдальца повлекла.
 Мне нет вождя, хранителя, — все втуне.
 Одной любви я верен — и Фортуне».

XXXV

Хоть знала бы она, как пламенею
 Любовью к ней, иль видела б меня!
 Нет, страстью бы испугана моею
 Она была, — и, всякого кляня,
 Кто, полюбя, владеть хотел бы ею,
 Она бежала б этого огня,
 Смятенная: опа ведь ненавидит
 Всех нас, мужчин, какого ни увидит.

XXXVI

Что делать мне? Все кончено. Ужели
 Открыться ей? Себя же погубить.
 Молчать — нет сил, молчать всего тяжелс:
 Огонь в груди все будет злей томить.
 Так, умереть. Жалеть о жизни мне ли?
 Пусть этой муки оборвется нить:
 Ведь не погаснет этот пламень жгучий, —
 Смерть все равно предстанет неминучей».

XXXVII

Таких речей пзлил тогда немало
 Влюбленный юноша. Но видит он —
 Заря погасла, почь уже настала
 И вызвездил давно уж небосклон, —
 И как душа помедлить ни желала
 На месте милом, молвил как сквозь сон,
 Себя одолевая: «Так, злосчастный,
 Пускай хоть встречу день, мой день
 несчастный».

XXXVIII

Он все же встал, побрел, едва шагая,
 Исполнен дум, долиною речной
 В родной приют, печально понимая:
 «Оттуда шел один, придет — иной».
 Вот перед ним и хижица родная.
 Так безотчетно он пришел домой:
 Идти долиной было далеко ли?
 Ну, с четверть мпли, уж никак не боле.

В свою каморку он тихоенько входит,
 Где спал один, вздыхает, еле жив,
 Там ощупью постель свою находит
 И падает, словца не проронив
 Родителям, и ночь без сна проводит,
 И только света ждет, нетерпелив,
 И мечется на ложе, изнывая,
 Все Мензолу со стоном призывая.

XL

Не думайте, что люди воздвигали
 Чертогов и домов блестящий строй,
 Как ныне там. Хочу, чтобы вы знали, —
 Избушке были рады той порой,
 Стен даже известью не укрепляли;
 Бревно да камень грубый и простой —
 И все; а кто доволен был, суровый,
 Мазанкой земляной и тростниковой.

XLI

Домка в четыре было все селенье
 У низких и пологих берегов,
 Вершины высились лишь в отдаленье,
 Здесь было низких несколько холмов.
 Вернусь туда, где горькое мученье
 Нес Африко, все полон тех же снов
 О Мензоле; но пимфа не являлась,
 Хотя других и много повстречалось.

XLII

Амур, с его обычною повадкой,
 Хотел огонь страдания раздуть,
 Вдруг юноше как будто отдых краткий
 Давал, чтоб вновь пылала жарче грудь.
 И цепью все тягчайшею украдкой
 Его сковать старался как-нибудь,
 Умея разжигать своею властью
 Огонь страданья вместе с нежной страстью.

XLIII

И ночью раз имел во сне влюбленный
 Видение: в слепительных лучах
 Жена явилась ярко озаренной,
 И мальчик обнаженный на руках,
 С колчаном, с луком; вмиг, разгоряченный,
 Достал стрелу и целит внопыхах.
 Жена сказала: «Погоди, сынишка,
 И торопиться надо без излишка».

XLIV

И к Африко она оборотилась
 И говорит: «Скажи, что за напасть?
 Что за печаль? И в мыслях помутилось
 Из-за чего? Иль выпало на часть
 Перепугаться Мензолы? Явилась —
 Что ж не возьмешь над сердцем девы власть,
 Но, словно трус, от грусти и печали
 Поник? Лови любовь в ее начале!

XLV

Вставай скорей! Ищи ее ты в долах,
 Ищи в горах — ее ты уследишь,
 Веселую среди подруг веселых,
 В лесах дремучих милую узришь.
 Хоть на бегу и пет меж них тяжелых,
 Уверен будь — ее ты победишь.
 Дианы ж нечего тебе страшиться:
 Издалека не скоро возвратится.

XLVI

Тебе я помощь обещаю, зная:
 Противиться никто не в силах ей;
 Вот этот сын мой, выстрелить желая
 Из лука, делал волею моею.
 Я ведаю — и власть моя такая,
 Чтобы помочь наукою своею.
 Все — и Юпитер с многими богами
 Против нее бесплны были сами».

XLVII

Потом рекла: «Мой сын, скорей за дело!
Уверь его в могуществе своем
Пылающем — и лед взломи всецело
В его груди и в сердце ледяном.
Ну, делай, сын мой, как тебе велела,
Как можешь ты». И вот — в пылу таком
Лук мощно натянул Амур руками,
Что, выстрелив, сошелся он концами.

XLVIII

Пощады! Поздно. Глубоко вопзилась
В грудь Африко стрела — оп ощутил, —
Прошла насквозь, и сердце раздвоилось,
Так что, проснувшись, грудь рукой схватил,
Как будто в ней стрела остановилась.
Глубок и узок ход кровавый был.
Глядит: ведь с мальчиком жена взирает,
Как, ею пораженный, он страдает.

XLIX

Но нет ее. Она из глаз пропала,
И оборвался ею данный сон,
А раненое сердце все стучало,
И боль жила. И тотчас вспомнил сп
Любимую, какую покидала
Она ручей. И в сердце обповлеп
Прелестный образ, неизменно милый,
И в сердце он остался с чудной силой.

L

И молвил он: «Жена, я полагаю,
Венера с сыном. Их увидел я.
И если речь богини понимаю,
Мне обещала, что вся боль моя,
Какою я от Мензолы страдаю,
Вскипит и в ней. Так. Лишь бы нимф семья
Была подальше, — я решаюсь: ею —
Любовью ли иль силой — овладею».

LI

Так в пем опять желанье запылало,
 Наполнив грудь. Он Мензолу решил
 Разыскивать во что бы то ни стало,
 Пока пайдет. И день уж наступил
 Свершенья помыслов. Так жадно ждало
 Живое сердце! Одинокй пыл
 Не в силах умерять, к желанной цели
 Оп из дому спешит — к ручью Аквелли.

LII

Вновь повздыхал, здесь посидев пемпого;
 «Отсюда, — молвил, — раненному в грудь
 Стрелой любви, мне был назначен строго
 И слез, и воздыханий новый путь».
 Сказав, пошел, и от ручья дорога
 Вела его па холм. Боясь вздохнуть,
 Глядел и слушал, сисясь в напряженье
 Почуять каждой нимфы приближенье.

LIII

Так, подымаясь, он пустился в горы,
 К единой цели устремлен, легок,
 Подпяв чело и напрягая взоры,
 Чтоб ясно видеть каждый уголок,
 А ноги паготове, быстры, скоры, —
 Мгновенно бег ли нужен, иль прыжок.
 Листок ли чуть на ветке шелохнется, —
 Уж он бежит: пе нимфа ль попадетса?

LIV

Но, шутками такими утомленный,
 Какою-то обманною игрой,
 Все нимф пе видя, юнопа влюбленный
 Пред новою высокою горой
 Подумал вдруг: «Куда, ошеломленный,
 Карабкаться я буду, сам пе свой?
 Ведь это третья? Нет, иной дорогой
 Теперь пойду, вот этою, отлогой»,

И, повернув на Фьезоле, унылый,
 Долиною задумчиво бредет,
 Все в поисках своей дикарки милой,
 Виповницы печалей и забот.
 Нет полумили — движим чудной силой,
 В укромном месте, между двух высот,
 В долишке малой — вдруг услышал пенье.
 И видит нимф — желанное виденье!

LVI

К долинке той приблизившись пемпого,
 Вот ангельский он голос уловил
 И два других. Он замер. Дланы строго
 Сложил крестом; колена преклонил,
 Склонясь смиренно; тихо молит бога —
 Юпитера: «О, если б ты храпал
 Тут Мензолу — и, благ, меня подвигнул,
 Чтобы с другими я ее настигнул!»

LVII

Тот, кто, поймать кузнечика желая, —
 Как длинен, редок, легок шаг! — идет
 Без шороха. Походка вся такая
 Была у Африко меж тех высот,
 Где шел он, пенью нежному внимая
 Из той долинки. И, пройдя вперед,
 Вот он увидел жадными глазами —
 Дубок колеблет легкими ветвями.

LVIII

Сокрытый, смотрит и подходит к цели:
 Отсюда шел напев — и не затих;
 Три милых нимфы вместе песню пели;
 Одна стояла, возле две других,
 В канавку ножки опустив, сидели —
 Как нежны, белы были ножки их!
 Они, поникнув, ножки тихо мыли,
 И пели, и на птичек походили.

LIX

Та, что стояла, ветви соплетала
 И тем вешном украсила чело,
 Кудрями светлыми под ним сияла, —
 Уж солнце их ласкало, а не жгло.
 Потом подруг венками увенчала
 Густыми, пышными; легко, светло
 Кос несплетенных пряди разметались
 И с ветками зелеными сплетались.

LX

И в мыслях Африко одно звучало:
 «Ведь Мензолы меж ними пет моей».
 И к ним его все ближе привлекало,
 И разгоралась боль еще большей.
 «Венера, — молвил, — ты мне обещала,
 Но все не вижу милости твоей.
 Что делать мне? Себя я им открою,
 Спрошу, как свидеться мне с их сестрою».

LXI

И юноша, открыться им решая,
 Выходит к нимфам и, ступив вперед,
 Смиренно, робко, голос понижая,
 Умилную такую речь ведет:
 «Диана, ваша госпожа благая,
 Вас твердыми и стойкими блюдет,
 О нимфы милые! Но не бегите,
 Вас умоляю, мне хоть миг внемлите».

LXII

Ищу одну из вашего я строю,
 Что Мензолой, я слышал, названа
 И будет узнана из вас люблю.
 Уж месяц — мне не встретилась она,
 Ищу, плененный гордою красотою, —
 Она бежит, суровости полна.
 И вот молю — хоть легкий след девицы
 Мне укажите, милые сестрицы».

LXIII

Вдруг — как без пастуха бегут барашки
 От волка перепуганной толпой,
 Туда, сюда — и мечутся, бедняжки,
 Блея во весь дрожащий голос свой;
 И лисьи как почуявши замашки,
 Затрепыхав, летят скорей домой
 И бьются куры, и кудахчут дико,
 Пока в курятнике замрут без крика, —

LXIV

Так нимфы милые бегут в тревоге,
 Его увидя, «ах!» и «ох!» кричат,
 Для бега обнажив высоко поги
 Прелестные, поднявши свой наряд,
 Не отвечают, яростны и строги,
 Хватают луки и снечат, спешат
 Пологим берегом к горе, к пещере,
 Как дикие затравленные звери.

LXV

А Африко кричит им: «Подождите!
 Постоите! Дайте слово произнести!
 Я зла не мыслю делать вам, поймите,
 Не посягну на вашу жизнь и честь!
 Я пошутил! Напрасно вы бежите!
 Мне надобна веселость, а не месть:
 Ведь вы себе во мне найдете друга,
 А вот бежите сразу с перепуга».

LXVI

Но что твое отчаянье, молепье!
 Они бегут проворно, что есть сил, —
 И ты остался вновь в уединенье,
 Какого бы ответа ни просил.
 Их не преследуй: всякое стремленье
 Их ярый бег равно б опередил:
 Летят на ветер все твои приманки,
 Уже не остановятся беглянки.

LXVII

Мгновенно нимфы были так далеко,
 Что он уж их из виду потерял.
 Остановился бедный одиноко,
 А сам душой терзался и страдал
 По девам диким странно и жестоко.
 «Теперь — увы! — что делать? — повторял. —
 Мне ни одной из них не видеть боле,
 И ждать могу от них лишь худшей доли.

LXVIII

Что все мои приманки и моления,
 Что и молчанье, хоть молчал бы я!
 Того не взять и силой, без сомненья,
 Что просто мне сказали б, не тая.
 Когда б хоть выведать предположенья,
 Где мне искать, где Мензола моя!
 Когда б я знал, куда она сокрылась!
 Брожу, как будто солнце вдруг затмилось».

LXIX

Все поиски его так развлекали —
 И к Мензоле стремленье, все сильней,
 И нимфы, что в долинке распевали
 Под тенью свежих веявших ветвей,
 И бег за ними — как они бежали! —
 О, лишь узнать о Мензоле своей, —
 Что не заметил он: уж вечер близок,
 И солнца лик уж не горяч и низок.

LXX

И вот, раздумчивый и огорченный,
 Досадуя, что рано ночь идет,
 Походкой медленной и утомленной
 Он стал сходить с пещеристых высот.
 Здесь поздно оставаться, искушенный,
 Боялся он: в лесу густом вот-вот
 Зашевелится к ночи гад ползучий:
 Укус его тебя отравит жгучий.

LXXI

Так повернул он на дорогу к дому.
 Весь день он крошки хлеба не видал,
 И ждать его пришлось отцу седому,
 Что в грусти и тревоге размышлял:
 Уж не попался ль зверю он какому,
 А тот его, пожалуй, растерзал, —
 Кто знает? И тоскует он о сыне,
 А вот его все нету и в помине.

LXXII

Еще страшил его и гнев богини,
 Что мог его всечасно поразить:
 Всегда враждебная к их роду, нынче
 Его Диана может и убить.
 Или, по жалости и благостыне,
 Хоть в дерево иль камень обратить.
 И, останавливаясь, ждал тревожно:
 Не то, так это — все теперь возможно.

LXXIII

А солнце уж достигнуло заката
 И скрылось, и последний свет исчез,
 И вышли звезды, и луна богато
 Сияла в чистом воздухе небес;
 Не слышно соловья, и, мглой объята,
 Иная птица оглашает лес,
 Неведомая времени дневному.
 В ту пору Африко подходит к дому.

LXXIV

Вошел — и сына с радостью встречает
 Великою заждавшийся отец:
 Ни зверь, ничто ему не угрожает,
 И невредим вернулся молодец.
 И мать спешит и с плачем обнимает,
 Жалеет: «Цветик нежный! Наконец!
 Где пропадал ты, мой сыночек милый?
 Я вся измучилась в тоске унылой».

LXXV

Так и отец расспрашивал не строго, —
 Да где ж он был, да целый день не ел? —
 А тот, собою овладев немного,
 Оправдываться начал, как умел.
 В любви была надежная подмога:
 Ведь истинно влюбленных благ удел —
 Он душу, утопча, научает, —
 И юноша, лукавя, отвечает:

LXXVI

«Со мной, отец мой, случай был чудесный.
 Я лань увидел там, среди холмов.
 Она предстала мне такой прелестной,
 Что я глазам не верил, и готов
 Сказать: то соп, — руками ль бог небесный
 Своими создал стройную? Шагов
 Ее пет легче: как журавль! Вся — нега.
 И белизна ее белее снега.

LXXVII

Увлекся я, бежал за ней далеко
 Из леса в лес, поймать ее решил.
 Но так она карабкалась высоко
 В горах, что я уж выбился из сил.
 Остановился, огорчен глубоко;
 Ее сыскать я в сердце положил,
 Настигнуть, поздно ль, рано ль — обещался
 Раз десять так домой я возвращался.

LXXVIII

Сказать по правде, встал я нынче рано,
 Увидел, как погода хороша,
 И вспомнил лань, и стало так желанно
 Ее поймать, лежала к ней душа.
 Пошел я по тропинке. Даже странно:
 И оглянуться не успел, спеша —
 Кругом холмы, а солнце уж высоко,
 На полдень поднялось, печет жестоко, —

LXXIX

Как слышу — лист дубков зашевелился.
 Тихонько я приблизился чуть-чуть,
 Сейчас же за камнями притаился,
 Смотрю и слушаю: боюсьдохнуть.
 Гляжу — три лани; даже подивился —
 Пасутся дружно так; ну как-нибудь
 Да изловлю одну. И, еле слышный,
 Пошел я к ним с пучочком травки пышной.

LXXX

Да как меня увидели — в мшутку
 Уж на горе. Не ждали! Впопыхах,
 И на себя рассержеп не на шутку,
 Я вижу, что остался в дураках, —
 Да что ж играть на старую погудку?
 Не уступлю! И с тем, что нес в руках,
 Бежать за ними во весь дух пустился —
 И только уж впотьмах остановился.

LXXXI

Теперь, отец, ты знаешь о препопо
 К возврату моему, уверен будь».
 Отец, который звался Джирафоне,
 Конечно, понял рассказней всю суть;
 В таких делах годами умудренный,
 Оп тотчас без сомнений мог смекнуть,
 Что эти лани, всех венец желаний,
 Уж верно нимфы, а совсем не лани.

LXXXII

Но чтоб не показать, что догадался,
 Да и не сделать сыпа вдруг лжецом,
 И чтоб желаний пыл не разгорался
 И не томил, да и остыл потом,
 И сам собой, быть может, миновался, —
 Все это вместе думая тайком,
 Старик отец немного слицемерил
 И так сказал, как будто сказке верил:

LXXXIII

«Ты мне, сынок, желанных всех желанней,
 Молю тебя — ах, берегись ты тут
 Всех этих виденных тобою ланей;
 Пускай своим дурным путем идут:
 Они ведь все посвящены Диане,
 Поверь ты мне, — и, встретись, изведут:
 Затем и по горам у нас тут бродят,
 И воду пить к источникам приходят.

LXXXIV

Диана большей частью ходит с ними,
 А знай, ее ведь смертоносен лук.
 И если б за охотами твоими
 Тебя застала, из своих же рук
 Убила б насмерть — было так с другими
 Уже не раз, кого не влюбит вдруг, —
 А искони к семье ведь нашей старой
 Она враждой пылает самой яркой.

LXXXV

Увы, сынок, я плачу, вспоминая
 О том, как умер бедный мой отец,
 Как извела его Диана злая,
 Терзала и убила наконец.
 Сыночек, о грехе его простая
 Вот повесть — зрит Юпитер в глубь сердец!
 А звался дед, как знаешь ты, Муньоне;
 Его отец, как я же, Джирафоне.

LXXXVI

Рассказ мой был бы длинен при желанье
 Все злоключенья деда описать.
 Но нам сейчас важней их окончанье.
 Он шел в горах дичины пострелять,
 Как все охотники. В его скитанье
 Тревог немало было. Только глядь —
 Пред ним река, текущая в долине,
 Та, что по нем зовут Муньоне нынче.

LXXXVII

А возле, у прекрасного потока,
 Вдруг нимфа, одинешенька-одна,
 Увидела его, уж недалеко,
 Вскочила девочка, бледна-бледна,
 «Беда!» — лепечет, — и уже высоко
 Бежит по круче, ужаса полна.
 Ее он молит, полн любовным бредом,
 И через миг бежит за нею следом.

LXXXVIII

Отец несчастный, ты ведь устремлялся,
 Того не зная, к смерти лишь своей,
 Ее сетей, бедняк, ты не боялся,
 Судьбой захвачен злобною своей!
 Желали боги, чтоб, когда он гнался
 За нимфою все тверже и быстрее,
 Его Диана в птицу превратила,
 Или в скалу, иль в дерево внедрила.

LXXXIX

Она реки чуть-чуть не добежала,
 Как платяица изящное тканье
 Запуталось в ногах; она теряла
 Дыханье в беге, страх сломил ее.
 Увы, Муньоне радость обуяла,
 Он вмиг настиг сокровище свое,
 Схватил, держал, обняв ее руками,
 К девичьему лицу прильнув устами.

XC

Тут силой взял он, тут пасилье было,
 И нимфа тут была осквернена,
 Бессильна отвратить, что так постыло.
 О жалкий мальчик! О, как ты бедна,
 Несчастливая! Вас бездна разделила,
 Раскаянья безумного полна!
 Сама Диана с дальнего пригорка
 Двоих обнявшихся открыла зорко.

ХСІ

Опа гремит: «Несчастные! Идете
Вы тотчас вместе, грешники, в Аид!
Последний час вы на земле живете,
Не видеть вам, как летний день сгорит;
А ваши имена передаете
Навеки водам, видевшим ваш стыд!»
И грозно на любовников взглянула —
И тетиву тугую натянула.

ХСІІ

С последним словом и стрела пронзила
В тот самый миг, мгновенная, двоих.
Сынок, во мне лишь правда говорила!
Хотели б боги лжи от слов моих,
Так до сих пор тоской бы грудь не ныла!
Случилось, что убит один из них:
Стрела, пронзив два сердца, их связала.
Так кончилась любовь их без начала.

ХСІІІ

Кровь бедного отца струя речные
Все красноватым светом палила —
И потекли, как будто кровяные,
И боль его всем явной пребыла.
Хранят здесь тело глубины родные,
Чего душа не знает ни одна,
Как и всего того, что дальше было;
Одна река лишь имя сохранила.

ХСІV

Сказал я, что Диана съединила
И кровь, и тело нимфы молодой
С другим и вместе с ним же превратила
В источник чудный, что, журча, с рекой
Вблизи сливался, — так чтоб явно было:
Гнев беспощадно яростный такой
Мгновенно падо всяким разразится,
Кто оскорбить хоть раз ее решится.

XCV

И с тысячью, я знаю, так же было,
 Что пыне птицы, горные ручьи,
 Иль что она в деревья превратила
 Преступников в любовном забыты.
 И в старину еще она убила
 Двух кровных братьев — нашей же семьи.
 Так берегись, храним небесной силой,
 Ее руки, сыночек ты мой милый!»

XCVI

Так Джиграфопе старенький, рыдая,
 Окопчил свой рассказ и замолчал.
 Стоял и слушал сын, не прерывая,
 Подробности со тцаньем замечал.
 Собою несколько овладевая
 И поборов смущенье, отвечал,
 От своего не склонный отступаться:
 «Ну, этого мне нечего бояться!»

XCVII

Теперь не трону их, избави боже,
 Случится разве, встречу как-нибудь.
 Я так устал, ты утомился тоже;
 Пойдем, отец, нам надо отдохнуть.
 Чтоб засветло прийти, я лез из кожи,
 И был нелегок этот горный путь.
 Домой добрался — и устал сверх силы.
 Итак, пока прервем беседу, милый».

XCVIII

Спать улеглись; но день не запымался, —
 Проснулся Африко, вскочил тишком,
 Опять туда — к холмам своим пробрался,
 Где был все время сердцем и умом.
 Он шел и беспрестанно озирался,
 Не видно ль Мензолы — искал кругом.
 И помогла Амурова наука:
 Он от нее стоит — на выстрел лука.

Не он, она увидела сначала —
 И полем тотчас в ужасе спешит.
 Тут он услышал, как она кричала,
 Взглянул — она взывает и бежит,
 И мысль его как светом осияла:
 «Ведь это — Мензола!» Он вслед летит,
 Ее зовет и молит, именуя:
 «Постой, постой, тебя ведь так люблю я!»

С

О девушка прекрасная! Мгновенье!
 Ведь без тебя не мил мне белый свет.
 Давно терплю я от тебя мученье,
 Мне день и ночь покоя больше нет.
 Не смерть несу тебе, мое стремленье
 Тебе вослед не предвещает бед.
 Амур один меня к тебе кидает,
 Зло иль вражда тебе не угрожает.

СІ

Тебя не так преследовать хочу я,
 Как коршун куропаточку когтит
 Или как волк, свирепо торжествуя,
 За бедною овечкою спешит, —
 Но любящей душой тебя милую,
 Что красоту твою всех выше чтит.
 В тебе моя надежда и желанье,
 И было бы моим твоё страданье.

СІІ

Коль подождешь меня, клянусь богами,
 О Мензола прекрасная, тебе,
 Что я желаю брака между нами
 И счастье любви найду себе,
 Все мыслимое здесь под небесами,
 Тебе врученной вверившись судьбе.
 Ты, ты меня ведешь, мной обладаешь,
 Ты жизнью всей моей повелеваешь.

СIII

И вот — зачем, жестокая, желаешь
 Причиной быть погибели моей?
 Неблагодарностью ли отвечаешь
 Любви моей, которой нет сильней?
 Иль за любовь мою мне смерти чаешь —
 И будь она наградой мне твоей?
 А не любил бы я? Ты как бы мстила?
 Жесточе б ведь со мной не поступила!

СIV

Коль убежишь, ты будешь беспощадней
 Медведицы, где медвежата с пей,
 И горше желчи; жестче, безотрадней
 Холодных, твердых мраморных камней.
 Коль подождешь — и меду ты усладней,
 И винных лоз нежнее и хмельней,
 И солнца миловидней красотою
 Умильной, кроткой, ласково-простою.

CV

Но вижу — тщетны все мои моления.
 Словам моим не впемлешь и молчишь.
 Ко мне, рабу, не хочешь спускожденья
 И даже глаз назад не обратишь;
 Но, как стрела, исполнена стремленья,
 В дремучие леса свои спешишь,
 На скалы ты взбираешься в тревоге —
 Пусть камни, терны уязвляют ноги.

СVI

Но раз ты убегаешь, непреклонна,
 Любимая, как это вижу я,
 И в этом — весь ответ мольбе влюбленной,
 И дальше — хуже ненависть твоя;
 Да уравниются все горы, склоны, —
 О том к Юпитеру мольба моя,
 Да будет вся равнина с далью всею
 Ровней и ниже под погой твоею.

CVII

Вас призываю, боги, что живете
 В тенистых этих долах и лесах,
 Коль вам любезность ведома — к заботе
 О милых, нежных, малельких погах
 Вот этой нимфы, — вы не преминете
 Все камни, терны, сучья на путях
 Прелестных ножек превратить в лужочки
 И в тошенькие травки и цветочки.

CVIII

А я отныне следом за тобою
 Уж не пойду; куда идешь — иди;
 С моим несчастьем, с моей тоскою
 Останусь без исхода впереди.
 Мне ждать недолго вечного покоя:
 Исходит сердце кровью тут, в груди.
 Все ты: ведь твой огонь его терзает,
 Жизнь с каждою минутой исчезает».

CIX

А нимфа не бежала, а летела.
 Высоко полы платья подняла,
 Чтобы предаться бегу уж всецело,
 Их за пояс заткнула как могла, —
 Так что сверх поножей открыто, смело
 Вся стройная нога видна была
 И, как освобожденные из плена,
 Пленительные белые колена.

CX

С копьем в деснице воп она мелькнула,
 Вдаль отбежать успев крутым путем,
 И, обернувшись, гневная, взглянула,
 В испуге вспыхнув пурпурным огнем —
 И крепкою рукой в него метнула,
 Чтоб пасмерть Африко сразить копьем.
 И уж сразила б, если б не случилось,
 Что прежде в кренкий дуб оно воцлилось.

СХІ

Конь, взрезая воздух, засвистело —
 Она, на миг отдавшись забытию,
 В лицо его впилась: ведь он всецело,
 Казалось, ощутил себя в раю, —
 Ни удержать, ни скрыть уж не сумела
 Раскаянье и жалость всю свою,
 Кричит в безумье: «Берегись, несчастный!
 От смерти как спасу тебя ужасной?»

СХІІ

В четырехгранной этой стали сила
 Такая напряженная была,
 Что мощный дуб насквозь она пронзила,
 Как будто льдину слабую прожгла.
 А толст был дуб: обхвата б не хватило
 Мужского, чтоб сойтись вокруг ствола.
 Расселся он; почти что погрузилось
 В него все древко — и остановилось.

СХІІІ

А Мензолу тут радость осияла,
 Что невредим был юноша: связал
 Уже Амур ей сердце, вынул жало
 Жестокости и злую мысль изъял.
 Хоть ждать его и миг не пожелала —
 О, ни за что! — Иль чтоб возможен стал
 С ним разговор — о, нет! — Но просто рада:
 Его сетей бояться уж не надо.

СХІV

И спова нимфа дальше побежала,
 Что было сил: ведь он за ней спешил,
 И все она по-прежнему внимала,
 Как следом он и плакал, и молил;
 Пещер и скал немало миновала,
 И позади уж он далеко был,
 Когда она, взобравшись на вершину,
 Не мнила, что спаслась и вполовину.

СХV

Но впиз она с стремительностью вящей
 Спешит с горы по склону. Как стена
 Стоял здесь лес, сплетен дремучей чащей
 Непроницаемой. И не слышна,
 Лесною вольной птицей настоящей,
 Бесшумно затаилась тут она;
 Маститый дуб шатром пышно-зеленым
 Здесь нимфу осенил, над ней склоненным.

СХVI

Поговорим об Африко. Мгновенье,
 Как пимфа бросила в него копье,
 Смутился он. Но слышит в изумленье
 Он крики «Берегись!», и вид ее,
 Весь — состраданье, и к нему движенье,
 И пламень глаз явили ясно, чье
 Кто сердце вдруг сразил. И с новой силой,
 И с новой жаждой он бежит за милой.

СХVII

Как головня погаснуть уж готова
 И тлеет только искоркой одной,
 Но вздоха ветра, мощно излитого,
 Достаточно — и с силою иной,
 Сильнейшей во сто крат, пылает снова. —
 Так Африко, почуяв новый зной,
 Лишь возглас жалостный над ним раздался,
 Все пламенней, все жарче разгорался.

СХVIII

Он закричал: «Юпитер, видно, хочет,
 Раз хочешь ты, чтоб пал здесь мертвый я:
 Твою надежду тотчас он упрочит
 Всей силою стального остря,
 Что сердце мне пронзит и кровь источит,
 Пройдя всю грудь насквозь. Вина — твоя.
 А мне — восторг: покончить с жизнью сею
 В горении любви — рукой твоею!»

СХІХ

Едва лишь Аѳрико закончил слово,
Как на вершину Мензола взошла,
И ясно он ее увидел снова;
Она сошла — ее сокрыла мгла,
И тотчас он почувал много злого:
Меж них долина длинная легла, —
И крепко не на шутку он боялся,
Чтоб след ее совсем не затерялся.

СХХ

И он с трудом вершины достигает
И тщетно взорами ее следит.
И как охотник часто поступает,
Чуть птица снимется и улетит
И из виду ее он потеряет:
Лицо поднявши, ротозей глядит;
Бежит туда-сюда, стоит на месте,
И, как в беспамятстве, все это вместе, —

СХХІ

Так Аѳрико ее с своей вершины,
Подняв высоко голову, следит.
Лоб трет себе руками без причины,
Свою фортуна злостную хулит
За все ее бесчисленные вины.
И к лесу он дремучему спешит,
И вповь назад; бормочет: «Что за чудо!
Нет, вон туда пошла она отсюда».

СХХІІ

И тотчас он туда бегом спускался —
Уж где бы ни было ее сыскать, —
И снова, не увидев, возвращался,
С отчаяньем в душе бежал опять
И, отбежав немного, вновь решался
Идти иным путем. Но угадать
Никак не мог, все недоумевая,
Что делать, где искать еще, не зная.

СХХІІІ

И он твердил себе: «Она, пожалуй,
 Вот тут, в лесу прострашном и глухом!
 И если так, то без приметы малой
 Мне не сыскать ее, блуждая в нем;
 И больше месяца бродя, усталый,
 Всей чащи я не обыщу кругом.
 И ни следа! Ведь если бы вступила
 Тут в лес она, хоть след бы проложила.

СХХІV

Хотя бы весть мне сердце провецало,
 Куда пошла она! Не счесть путей,
 А ведь из них один она избрала.
 И дальше устремляясь так за ней,
 Пойду ли онцупью куда попало —
 И не туда приду всего верней,
 А дара уж теперь не потеряю
 Печального, которым обладаю.

СХХV

Не знаю я, идти или остаться
 И ждать, не выйдет ли сюда сама;
 И верховой здесь мог бы затеряться, —
 Такая глушь в лесу, такая тьма,
 Что и его бы следу не сыскаться.
 А ежели послушаться ума, —
 Далеко быть мне на полмили падо,
 Чтоб ею брошена была засада».

СХХVІ

И он взглянул на солнце. Час десятый
 Уж близок был. И он себе сказал:
 «Что тешиться надеждою богатой?
 Надежды нет, которой я дышал;
 Здесь тратить время — тщетной было б
 тратой».

И в памяти рассказ отца вставал
 О двух любовниках — что накануне
 Он слышал, — как погибли вместе втупе.

СХХVII

А тут же и Амурово шептание:
«Что мне Диана? Не боюсь ее.
Раз увенчать бы страстное желанье —
Век было б сердце счастливо мое.
И кончится пускай существованье, —
Я бога восхваляю за бытие.
Но за нее крушится б я душою:
Из-за меня ей смерть была бы злою».

СХХVIII

Одно другим сменяя рассужденья,
Здесь Африко немало пребывал,
Не в силах разрешить свои сомненья, —
Амур его, лелея, обольщал.
И наконец-то, ради сожаленья
К отцу, что крепко дома тосковал,
Идти домой решил он поневоле
И в путь пустился, полн великой боли.

СХХIX

Так возвращался Африко, тоскуя,
И, что ни шаг, оглядывался он,
Стоял и слушал, мысль одну милоя:
«Не Мензола ль? — вздыхая. — Истомлен,
Что за глупец, что за тоску несу я
Бессменную, всего теперь лишен!
Ты здесь осталась, Мензола», — взывая,
Метанья длил он без конца и края.

СХХХ

Но речь о том, как он одиң метался
При каждом легком шелесте листка
Взад и вперед, и снова возвращался,
И снова шел, была б не коротка.
Каким страданьем в сердце он терзался,
Поймет ведь каждый, — какова тоска
Пути возвратного! Сказать короче,
Домой с тоски едва дошел он к порчи.

СXXXI

Вот наконец в своей каморке малой,
 Родителями не замечен, он
 На узкую постель упал усталый
 И чует — уж у сердца Купидон,
 Стрелой его сразивший многожалой, —
 И жадно жаждет он его полон,
 В тоске простившись с радостью земною,
 Вдруг сокрушить хоть смертною ценою.

СXXXII

И Африко, простертый на постели,
 Вздыхая тяжело, лежит пичком.
 Уколы шпор любовных так горели,
 И трижды он вскричал в жару таком:
 «Увы! Увы!» — что вопли долетели
 До слуха матери. Вскочив, бегом
 Опа паружу в садик устремилась,
 Расслышала его и возвратилась.

СXXXIII

И сына милого воскликповенья
 Узнавши, в комнатку к нему спешит;
 Сама вся не своя от изумленья,
 Вдруг видит — он, простерт, ничком лежит.
 И обняла, и шепчет утешенья,
 А голос обрывается, дрожит:
 «Скажи, сыночек, что тебе так больно?
 Чем душенька твоя так недовольна?»

СXXXIV

Скажи скорей, сыночек ты мой милый,
 Где у тебя болит, любимый мой?
 Дай полечу. Я рада всею силой
 Тебе помочь. Ведь снимет как рукой.
 Да поверпись, мой голубь сизокрылый,
 Мне молви хоть словечко, мой родной!
 Своей я грудью ведь тебя вскормила,
 Под сердцем девять месяцев носила».

СХХХV

Услышал Аффрико — к нему прокралась
 Мать нежная, и рассердился он:
 Как бы о чем она не догадалась!
 Но он в любви лукавству научен —
 И отговорка в мыслях уж слагалась;
 Подняв лицо — заплакал, истомлен, —
 Он молвил: «Матушка, я торопился
 С утра домой, упал и весь разбился.

СХХХVI

Я поднялся, но с болью небывалой
 В боку, — и вот едва добрал домой,
 Настолько ослабелый и усталый,
 Что уж едва владел самим собой,
 Бессплен, словно снег на солнце талый,
 И лег в постель, чтоб дать себе покой.
 И, кажется, теперь полегче стало,
 Потихе боль, что так меня терзала.

СХХХVII

И если любишь ты меня немного,
 Скорей отсюда, матушка, уйди.
 Не огорчайся этим, ради бога:
 Мне говорить — такая боль в груди!
 Иначе не пройдет моя тревога;
 Послушайся, больному угоди,
 Ступай к себе, мне говорить не надо:
 Ведь это для меня опасней яда».

СХХХVIII

Он замолчал и, тяжело вздыхая,
 Склонился на подушку головой.
 Такие речи слыша, мать седая
 Задумалась, пошла, сама с собой
 Безмолвно и любовно рассуждая:
 «Должно быть, как он слышит голос свой,
 Так болью звук в груди и отдается, —
 И словно бы она на части рвется».

И вышла из каморки, где в томленью
 Метался сын и горестно стонал.
 Почувствовав свое уединенье,
 Он от любви еще сильней страдал,
 И груди непривычное мученье
 Все возрастало, пламень сожигал
 Все яростней; взывал он: «Почему же
 Любовь, что миг, терзает больше, хуже?!

СXL

Я чувствую, что весь внутри стораю
 Любовным пламенем: я слышу — грудь
 И сердце жжет он с краю и до краю;
 Себе помочь не властный как-нибудь,
 Беспомощный, бессильный, замираю.
 И лишь одна могла б в меня вдохнуть,
 Чуть пожелай, мир и забвенье боли
 И сделать все со мной, что ей по воле.

СXLI

И ты одна мила, как ангел пежпый,
 Красною светлокудрою своею,
 С умильной речью, легкой и небрежной,
 Всех белых роз улыбчивей, свежей,
 Всех ясных звезд в лазури безмятежной
 Блистательней, — ты мне всего милей,
 Одну тебя, желанная, желаю
 И ночь, и день всечасно призываю!

СXLII

Лишь ты одна всю боль моих страданий
 Могла бы благодатно исцелить!
 Лишь ты одна всею властью пежных дланей
 Ведешь моею безвластной жизни нить!
 Лишь ты одна от смертных воздыханий
 Мой жалкий век вольна освободить!
 Лишь ты одна захочешь — обладаешь
 Мной, как ты можешь, как ты пожелаешь!»

CXLIII

И говорил: «Жесточе невозможно,
 Чем ты, томить безжалостной тоской;
 И, дикую, страшит тебя тревожно
 Тобою восхищенный взор людской!
 Вся жизнь моя, что для тебя ничтожна,
 Во мрак темницы ввержена тобой,
 И нет в тебе — увы! — тем мукам веры,
 Что ты не видишь, а дала без меры!»

CXLIV

Потом, стая, к Венере обратился:
 «Священная богиня, победить
 Властна ты всех на свете, кто бы тщился
 От ран твоих себя оборонить,
 И от тебя никто не защитился;
 А ныне, мнится, не сильна сломить
 Ты слабой девушки — и перед нею
 Бессильна всею силою своею.

CXLV

Ты мощь свою всю ныне потеряла
 Против нее, и тонкий ум притих,
 С каким всегда разил сердца немало
 Твой сын Амур, высоких и простых.
 Пред сердцем ледяным вдруг все пропало
 Презревшим обаянье сил твоих;
 Обыкшие вершить твоё отмщенье
 Лук, стрелы острые — в пренебреженье.

CXLVI

Ее, быть может, без труда ты мнила
 Вдруг захватить, как и меня взяла,
 Чтоб в грудь ее твоя проникла сила,
 В грудь изо льда, — как и в мою вошла.
 Она же стрелы просто притупила,
 Что на нее ты мудро навела;
 А я, глупец, от них не защитился —
 И в вечную темницу погрузился.

CXLVII

Мне никогда уж не освободиться;
Мир, отдых и покой — не для меня:
Но мукой новой буду я томиться
Всечасно от любовного огня.
И в этой думе с телом разлучится
Душа моя, рыдая и стена,
К погибсли своей. И черной тенью
С телями будет. Вот копец мученью.

CXLVIII

Тебя молю, о Смерть! идишь, врачуя
Мне горькое земное бытие;
По доброй воле жить уж не хочу я;
Рази же сердце бедное мое!
А не сразишь, так сам сражу, тоскуя.
Как чтил бы я пришествие твое!
Так поспешай — и сброшу я оковы,
Мне тяжкие мучительно суровы».

CXLIX

Тут он умолк, и залился слезами,
И вспомнил, как прекрасное копье
В него метнула нимфа, как словами
Прорвалось сострадание ее
И ужас, что воздушными струями
Неотвратимо мчится острее.
И в тех словах почувал он хоть малость
Надежды на узывчивую жалость.

CL

Так плача и томительно вздыхая,
Влюбленный юноша один лежал,
Жить жаждая и к смерти вдруг взывал,
Надеялся и в ужасе дрожал.
Бог сна, из врат великих низлотаю,
Сном благостным страдальца обаял.
Усталостью последней истомленный,
Все позабыл забывшийся влюбленный.

СLI

А мать умелая уж пасбирала
 Целебных трав немало — для того,
 Чтоб сыпу сделать ванну: полагала,
 Что боль в боку измучила его.
 Доверчивая, ведь она не знала
 Причин томленья сына своего.
 Пока весь ход ее работы длился,
 Домой и Джирэфоне воротился.

СLII

И тотчас же спросил: что сын бесцепный?
 Вернулся ли сегодня он домой?
 А донна, что звалася Алименной,
 Ответив «да», свой перепуг ночной
 Поведала; без боли неизменной
 Не молвит слова сын; ему покой
 Необходим; она к нему не входит.
 «Прошу, пейди и ты, — так речь заводит. —

СLIII

Я ванну приготовила, что боли
 Помочь должна. Пускай он отдохнет,
 Как долго будет то ему по воле,
 И ванпу ту целебную возьмет.
 И уж страдать не будет, верно, боле:
 Где б ни болело у него, — пройдет.
 Оставь, пусть спит. Он говорить не может:
 Сильнее боль в боку его тревожит».

СLIV

Когда жена все это рассказала,
 Его схватила за сердце тоска.
 Любовь отцовская не устояла,
 Чтоб тотчас же не повидать сыпка.
 В каморку, где постель его стояла,
 Невольно потяпуло старика.
 И видит — спит. Его он закрывает
 И прочь оттуда тотчас поспешает.

И он сказал старушке: «Дорогая
Жена, сынок, сдаётся мне, уснул,
Лежит в постели, тихо отдыхая,
И разбудить его я не дерзнул:
Грешно, и шутка вышла бы плохая,
Когда б теперь я сон его спугнул».
«Конечно, — отвечала Алимена, —
И не тревожь: ведь сила сна бесценна».

CLVI

Когда уж долго юношу, лаская,
Опутывал сетями легкий сон,
И воля грудь наполнила бывая,
Вдохнув глубоко, пробудился он,
А возле — никого. И, вновь вздыхая,
Своей печали прежней возвращен,
Он пред собою мыслью неостывшей
Все видит нежный взгляд, его сразивший.

CLVII

Но чтоб себя не выдать вдруг позорно
И обмануть отцовское чутье,
Вскочил и приделся он проворно.
Скрыв муку страсти, одолел ее.
Красивое, спокойное притворно,
Отер он полотном лицо свое
И взор, еще слезами орошенный, —
И вышел вон, хоть несколько смущенный.

CLVIII

И Джирafone тотчас же встречает
И спрашивает сына своего,
Что было с ним и как он поживает.
И, все еще любясь на него,
О том же Алимена вопрошает.
А он в ответ: «Да, право, ничего.
Я выспался — и не томит нимало,
Прошла вся боль, что так меня терзала».

CLIX

Но все ж отец решил приготовленью
 Горячей ванны для него, — и вот
 Ее берет он только в уверенье,
 Что боль иная сердце не гнетет.
 О Джирafone, что твое леченье!
 Любовное страданье не пройдет,
 И разве тут твоя поможет ванна,
 Когда глубоко в сердце скрыта рана!

CLX

Довольно же. И после омовенья
 Изрядно грустно день проводит он.
 Два, три, четыре дня — одни мученья.
 Минутного он отдыха лишен,
 Все позабыв былые упоенья,
 В задумчивости мрачной погружен.
 Но мысль о той его не покидает,
 По ком и дни, и ночи он страдает.

CLXI

Отец, и мать, и все дела на свете,
 Все — все равно, ничем не занят ум,
 И мысли пет ни об одном предмете,
 Вся жизнь кругом — какой-то праздный шум.
 Но лишь одна бессленно на примете
 У скованных, поработченных дум,
 В одну лишь верит, лишь одной боится,—
 И ею создана его темница.

CLXII

Когда бы в страстном, пламенном горенье —
 Не зная где — он мог се сыскать,
 Весь исстрадавшись, принял он решение
 Того предела уж не покидать.
 И лишь в одном он ведал утешенье —
 Чтоб без помехи плакать, и вздыхать,
 И тихо вспоминать о том, что было,
 Что с милою его соединило.

CLXIII

И Африко столь горю предавался,
 Что с каждым часом более страдал.
 Он обессилел был, он задыхался, —
 Без отдыха недуг его терзал.
 Он жизни против воли подчинялся:
 Цепями так Амур его сжигал,
 Что он почти от пищи отказался,
 День ото дня слабел и истощался.

CLXIV

Уже с лица красивого сокрылся
 Румянец юный, дальше — все бледней
 И все худей бедняга становился,
 Стал острым взгляд ввалившихся очей.
 И так он от печали изменился,
 Что юношу еще недавних дней
 Едва напоминал теперь влюбленный,
 Безжалостным пылаьем оналенный.

CLXV

Отец не мог бы выразить словам,
 Как мучился душою за него.
 И часто ободрял его речами
 Такими: «Сын мой, молви, отчего
 Страдаешь ты? Клянусь тебе богами:
 Узнав причину горя твоего,
 Все сделаю, хоть из последней силы,
 Чтоб дать тебе, чего ты хочешь, милый.

CLXVI

Коль силою нельзя предмет томлений
 Твоих достать иль разумом людским,
 Подумаем: есть способ, без сомнений,
 Мысль отогнать, которой ты томим,
 Чтоб больше ты не знал таких мучений
 И был, как прежде, цел и невредим.
 Не дать тебе совета — быть не может,
 Сыночек мой, — иль век мой даром прожит?»

CLXVII

И матушка частенько вопрошала,
 Чем он, любимый, столько угнетен,
 Что жизнь его такую горькой стала,
 И так уныл, и так расстроен он.
 «Сыночек, — говорит, — мне в душу пала
 Твоя тоска, и сердце рвется вон
 С отчаянья: не видеть не могу же,
 Что с каждым днем тебе все хуже, хуже».

CLXVIII

Им Африко в ответ — не что иное,
 Как только, что худого ничего;
 Не знает, дескать, сам, что с ним такое.
 А то — чтобы оставили его
 В покое: голова иль что другое
 Побаливает — только и всего.
 И от того не раз его лечили,
 Да все болезнь не ту в нем находили.

CLXIX

И в этой жизни тяжкой испытывая,
 Однажды Африко печальный пас
 Свои стада и, взоры подымая
 Рассеянно, бродил за часом час,
 Все о своей любезной размышляя,
 Из-за которой таял он и гас.
 И вот увидел он источник ясный,
 Светившийся светлей звезды прекрасной.

CLXX

Деревьями густыми окруженный,
 Местами сенью веток затемнен
 Он был. Полюбовался им влюбленный,
 Сел у корней; склонился грустно он,
 Раздумьем о злосчастье сокрушенный,
 К какому был любовью приведен.
 В воде себя узнав, он поразился,
 Как мрачен вид его, как изменился.

CLXXI

И вот, к себе исполнен состраданья,
 Сраженный переменою своей,
 Не в силах он удерживать рыданья,
 Все горше плачет он, все горячей
 И день злосчастный первого свиданья
 Уже проклясть готов душою всей.
 «Ах, — молвит, — за какие прегрешенья
 Влachu я жизнь, не зная утешенья!»

CLXXII

И, опираясь на руку щекою,
 А на колено локоть положив,
 Он говорил и слезы лил рекою:
 «О злая жизнь моя, пока я жив!
 Так эту отягчена тоскою,
 Пускай растает, словно снег в разлив.
 А я, как хворост на огне, сгораю,
 И пет спасенья мне, нет мукам — краю.

CLXXIII

Уйти от страсти к девушке жестокой,
 Пленившей сердце мне, я не силен, —
 Чтоб не желать се с тоской глубокой
 Всего превыше. Вижу — заключен
 В столь крепкие оковы, одинокий,
 Что день и ночь пылать я обречен
 В огне недвижно: выйти нет надежды,
 Коль смерть не поспешит закрыть мне
 вежды».

CLXXIV

Потом, любуясь, он глядел на стадо:
 Резвился коровки и бычки,
 Он видел — целовались; всем отрада
 Была в любви, не ведавшей тоски.
 Он слушал птиц; полны живого склада,
 Звучали их любовные стишки,
 И весело пичужка за пичужкой,
 Влюбленные, порхали друг за дружкой.

CLXXV

Любуясь, Аффрико грустил без меры:
 «Счастливые создания, вы верней,
 Вы более меня друзья Венеры,
 И как вы радостней в любви своей,
 В уладах тех, каким не знал я веры!
 И как должны хвалить вы горячей
 Амура за любовь, за упоенье,
 Что вам дано сполна — и в разделенье!

CLXXVI

Вы стройно песни радости поете,
 Порхаете, беспечны и легки,
 А плачу я, в страданиях и заботе
 И день, и ночь, изпывший от тоски;
 Исход я вижу в смертной лишь дремоте,
 Свободы жду от гробовой доски,
 Отрады, хоть малейшей, ждать не смею
 От завладевшей волею моею».

CLXXVII

И тут, вздохнув глубоко и умильно,
 Расплакался так горько мальчик мой,
 И слезы полились так изобильно,
 Что щеки, грудь казались рекой,
 Струями слез омоченные сильно,—
 Так злостной был охвачен он тоской.
 И к светлому склонившись отраженью,
 Беседовал он с собственной тенью.

CLXXVIII

И с пею потуживши над собою,
 Слезами переполнивши поток,
 Сменяя долго мысль одну другою,
 Он несколько сдержать рыданья мог
 При мысли, поманившей дух к покою,
 Открывшей в сердце тихий уголок,
 Напомнившей о сладком упованье:
 Венера ведь дала обетованье.

CLXXIX

Но видя — не приходит исполненье,
 А между тем он до того дошел,
 Что чувствует уж смерти приближенье,
 Сказал: «Венера бед моих и зол
 Ведь и не помнит: зреть ли ей томленье,
 Которым смертный рок меня борол?»
 Почтить богиню жертвоприношеньем
 Решает он — как напоминовеньем.

CLXXX

Он на ноги встает, идет он живо
 Туда, где неба не закрыт простор,
 Умелою рукою взял огниво,
 Разводит видный, блестящий костер.
 И целую поленницу, красиво
 Срубив ее, над пламенем простер.
 Потом овечку, что глазам отрада —
 Тучна была, — он быстро взял из стада.

CLXXXI

И, взяв ее, к огню подвел; сначала
 Между колен своих установил;
 Потом, как дело знающий немало,
 Ее он прямо в горло поразил
 И кровью, что по капле истекала,
 Он окропил огонь; и разделил
 Овечку на две части, и руками
 Поспешными их возложил на пламя.

CLXXXII

Одну за Мензолу он возлагает,
 Другую — за себя, чтобы узнать,
 Не чудо ли сейчас же воссияет;
 Во благо, в зло ль — ее лишь увидеть,
 Всю на него надежду возлагает.
 Он уповает, должен уповать!
 И на колени он к земле склонился,
 В таких словах к Венере обратился:

«Богиня, что над небом и землею
 Всех выше властью мощною своей,
 Краса-Венера — сын Амур с тобою
 Сражает души и сердца людей,—
 Бегу к тебе с сердечною мольбою,
 О, не отвергни же мольбы моей,
 Благослови — и счастье мне содеешь
 Ты, что сердцами всех живых владеешь!»

CLXXXIV

О, знаешь ты, с готовностью какою
 Стрелу Амура принял в сердце я
 В день, как узрел Диану пред собою
 С толпою нимф изящной у ручья,
 Тогда же; как страданьем и тоскою
 Отозвалась в груди стрела твоя
 По девушке стыдливой, столь прекрасной,
 Что лик ее в душе остался страстной.

CLXXXV

А после — что я вынес за терзанья,
 Приятые покорно за нее,
 Что за томленья, что за вздыханья,—
 Их видит ясно веденье твое!
 И как Фортупа все мои желанья
 Презрела, отравив мне бытие,—
 Свидетели леса: объятый ими,
 Я их наполнил вошлями моими.

CLXXXVI

Еще — лицо мое изобличает
 Вполне, что случилось с жизнью моей,
 Как безысходно в пламени сгорает,
 Как скоро смерть конец положит ей;
 От всех твоих обид она спасает,
 Коль с помощью не поспешишь своей.
 И если не пошлешь целебья боли,
 От смерти жду конца моей неволи.

CLXXXVII

Ты полагала первое начало
 Моем терзаньям, когда, с сынком
 Родным явась в виденье, мне сказала,
 Чтоб смело к цели шел своим путем,
 И, молвив так — ты знаешь,— обещала
 Невдолге увенчать любовь концом
 Благим. Потом я, раненый, покинут
 На ложе мукам, что досель не минут.

CLXXXVIII

И вот — твоим я словом обнадежен,
 Всю душу предал ей — любви моей:
 Мне твой завет — я верил — непреложен.
 И раз ее нашел, увиден ей,
 Но вмиг ее сомпением уничтожен:
 Дика, жестока, рипулась быстреей
 Стрелы прочь от меня — стрелы летучей,
 Из лука пущенной рукой могучей.

CLXXXIX

Я не нашел молений и прельщений,
 Чтоб хоть взглянула бы издалека;
 Ничто ей, видно, не было презренней,
 Чем жизнь моя. Как пес борзой, легка,
 Поняв, что из последних напряжений
 Бегу за нею,— вдруг, дерзка, дика,
 Вмиг обернулась, на меня взглянула
 И крепкою рукой копые метнула.

СХС

Тогда — богиня, видишь ты,— разящий
 Удар бы этот мне смертелен был,
 Когда бы ствол, передо мной стоящий,
 Собою удара не остановил.
 И скрылась в горы. Я в тревоге вящей
 Покинут, одурачен и уныл.
 Ее не видел больше. Все ницу я,
 С тех пор один стенаю и тоскую.

СХСІ

Тебе, богиня, всеми я мольбами
 Молю, доступными сынам земли:
 Поникнуть милосердными очами
 На жизнь страдальную благоволити
 И сына милого с его стрелами
 Скорее в сердце Мензолы пошли,
 Чтоб и она страдала и горела
 Любовным пламенем, как я, всецело.

СХСІІ

А если нет на то благоволенья,
 Молю, когда достигнет жизнь моя
 Предела, пусть замедлятся мгновенья
 Последние земного бытия:
 Да видит смерть мою, ее томленья
 Возлюбленная милая моя;
 Хоть не была б ей смерть моя утехой,
 Как жизнь теперь стоит одной помехой».

СХСІІІ

Речь Африко едва остановилась,
 Как он увидел, на костер дивясь:
 Малейшая в нем головни светилась,
 Овца в огне внезапно поднялась —
 И часть одна с другой соединилась —
 И ожила, и, не воспламенясь,
 С бляеньем громким прямо постояла,
 И загорелась, и в огонь упала.

СХСІV

Так чудо разогнало все сомненья,
 И Африко не мог не зарыдать;
 Венера, понял он, его моленья
 Благоволила ласково принять,
 Что возносил он, полп благоговенья.
 Он стал ей благодарность воссылать,
 Увидя в чуде том знаменованье,
 Что кончиться должно его страданье.

СХСV

И так как уж почти что закатился
 Лик солнечный, чуть видный над землей,
 Все стадо он собрав поторопился
 И тотчас же погнал его домой.
 Он даже весь в лице переменился,
 Повеселел. Пришел под кров родной —
 Тут и отец, и мать его встречают,
 И лица их от радости сняют.

СХСVI

Когда же небо звезды осияли
 И ночь пришла, тогда они втроем
 Поужинали вместе, поболтали
 О всяких новостях, о том, о сем;
 К тому душа и сердце не лежали
 У Африко: скучал он их житьем.
 И вот пошел он спать уединенный,
 Надеждой, новой думой увлеченный.

СХСVII

Но прежде чем хоть бы на миг забылся
 Иль вспомнил бы, что есть на свете сон,
 Раз тысячу, скажу, поворотился
 В своей постели с боку на бок он.
 И ясно, что всем сердцем он стремился
 Лишь к ней, которой был так истомлен.
 Но все же хоть в надежде укреплялся,
 Меж *да* и *нет* невольно колебался.

СХСVIII

Все ж наконец под утро сон усталый
 Влюбленному неслышно взор сковал.
 Спал на спине он тихо, как бывало.
 Венерин образ тут ему предстал,
 А на руках — Амур, младенец малый,
 И луком, и стрелами угрожал.
 Тогда богиня — так ему приспилось —
 Ему такую речью провещилась:

«Я принимаю жертвоприношение
 И речь, какую ты меня молил,
 И в полное за них вознаграждение
 Получишь все, чего себе просил.
 И будь отныне в крепком убеждении:
 Отказа в помощи всех наших сил
 Тебе не будет: я и сын с тобою;
 Совет мой чти; ко благу все устрою.

СС

Добудь себе наряд обыкновенный
 Для девушек, совсем как их шитье,
 Широкий, длинный до ног непременно.
 Достав себе лук, стрелы и копье,
 Иди простою нимфою смиренной
 На поиски — и ты найдешь ее.
 Тебя за нимфу примут, выйдет дело,
 Ты только с ними будь открыто, смело.

ССІ

И как увидишь Мензолу, беседой
 С ней о вещах священных начипай,
 Божественных, — приятно проповедуй,
 А между тем себя не забывай.
 Тому, что знаешь сам, на деле следуй,
 И только, сын мой, сердцу помогай —
 Оно научит всем речам учтивым
 И для нее приятным и красивым.

ССІІ

И только лишь денек твой прояснится,
 Увидишь — и тогда откройся ей.
 Она, как птичка, лесом устремится
 От соколиных яростных когтей.
 Но сделай — пусть не так тебя боится:
 Ведь побежит, так побежит быстрее,
 Чем схватишь ты ее; не сомневайся;
 Слукавив, своего уж добивайся.

ССIII

Насилия не бойся: так поранит
 Ее мой сын, что из твоих когтей
 Уж не уйдет; получишь все, что манит,
 И в полноте, по воле ты своей.
 Пусть мой совет тебе законом станет —
 И совершишь, и овладеешь ей».
 Рекла — исчезла. День уж загорелся.
 И Африко вскочил и вмиг оделся.

ССIV

И понял он видение Веперы
 Глубоко — и возрадовался он,
 И этот план пленил его без меры.
 Тут пламень в сердце так был разожжен,
 Что весь пылал он, полон крепкой веры:
 Ведь уж теперь возьмет ее в полон.
 Обдумывать он начал предприятие;
 Все дело в том: как раздобыть бы платье?

ССV

И вспомнил, поразмыслив, что храпится
 У матери красивейший наряд —
 Она в него лишь изредка рядится, —
 И молвил он себе: «Вот был бы клад,
 Когда б его добыть!» Лишь отлучится
 Мать из дому — и будет он богат.
 В потайном месте так он платье спрячет,
 Что после взять — уж ничего не значит.

ССVI

И тут судьба явилась благосклонной
 И доброю к нему. Едва погас
 И бледный лик луны в лазури сонной,
 И звездный свет, и дня был близок час,
 Как Джирафоне встал п, побужденный
 Работой спешной, вышел вон как раз,
 Нимало не замедля. Вся забота,
 Пошла вослед старушка за ворота.

CCVII

Тут не был Африко ленив на дело.
 Увидевши, что в доме — никого,
 Туда, где платье, поспешил он смело
 И скоро без труда сыскал его.
 Едва задумал, как уж все поспело.
 Никем не зрим, скрывая торжество,
 Добычу из дому он снес далеко,
 В чужое место, и укрыл до срока.

CCVIII

Потом, когда домой он торопился,
 Для дела все казалось под рукой.
 А потому он в тот же день стремился
 За Мензолой; но, как вошел домой,
 Взял лук он, что за выделку ценился,
 Со стрелами колчан красивый свой
 И всякими вещами запасался.
 Так день прошел, другой уж начинался.

CCIX

Уж Феба копи быстрые примчали
 Сменить зарю на блещущий восток;
 Уже вершины желтые сияли,
 И отблеск розовый на запад лег;
 Местами доли лишь в тени лежали,—
 Как Африко вскочил и со всех ног
 С колчаном, с луком из дому помчался.
 «Я на охоту»,— матери сказался.

CCX

Пошел к вчерашнему он месту, вынул
 Поспешно платье матери своей;
 И там с себя свои одежды скинул,
 В него переоделся поскорей;
 Подпоясаться стеблем не преминул,
 Чтоб двигаться свободней и ловчей.
 Ему Венера, верно, помогала
 В убранстве: так оно ему пристало!

ССХI

А спутанные волосы спадали
 Не слишком величавою волной,
 Но нитью золотой вдруг отливали
 И, русые, пленяли красотой.
 Но хоть еще недавние печали
 На бледном лице след являли свой,
 Однако оттого-то поневоле
 Он женственным еще казался боле.

ССХII

Преображенный с ловкостью такою,
 Он с правой стороны колчан надел,
 Взял в руки лук с легчайшею стрелою
 И на себя немного поглядел.
 Себе он показался не собою:
 Он не мужчиной — женщиной смотрел.
 Со стороны на эту бы картину
 Кто глянул — не признал бы за мужчину.

ССХIII

Затем свои одежды положил он
 Туда, откуда женские достал,
 И путь ко фьезолапским устремил он
 Горам, но шагу уж не прибавлял,
 И там зверей немало застрелил он,
 А уж потом себя и не скрывал.
 Но лишь на высшую вершину вышел
 Из трех — оттуда сильный шум услышал.

ССХIV

И Аффрико взглянул, откуда крики, —
 Нимф несколько увидел; впереди
 Бегут — стреляют; слышен вопль великий:
 «Стой, стой на месте! Зверя подожди!»
 Стоит, глядит — кабан несется дикий,
 В нем стрелы, как щетина, позади,
 И со спины кровь красная стекает.
 Лук Аффрико всей силой напрягает —

ССХV

И прямо в грудь он кабана стрелою
 Разит — и сердце та прошла насквозь,
 Вся толща кожи не спасла собою;
 Ступил он шаг — и сил уж не нашлось,
 Он пал, сраженный насмерть раной злою.
 Венере и Амуру привелось
 Так пожелать, чтоб Мензола глядела,
 Как было с кабаном лихое дело.

ССХVI

И нимф толпа сейчас туда сбежалась,
 Все думали, что Африко — своя.
 И Мензола со всеми оказалась;
 Беседой занялась своя семья.
 Тогда она им рассказать старалась:
 «Его паденье видела ведь я.
 Удара в жизнь я краше не видала,
 Чем вот она, явившись, показала».

ССХVII

Как сердце Африко в груди възграло
 До глубины — с такою похвалой
 Из уст ее! И тут же горько стало:
 Молчать, когда она — перед тобой;
 Но уж одно-то твердо сердце знало:
 Удар любви отдался в ней самой.
 Хоть ничего не знай, тут ясно было:
 Мгновенье роковое наступило.

ССХVIII

Но, верно, страх сильней всего иного
 Перед оружием дев его сдержал.
 А поосвоившись, за словом слово,
 В беседу нимф и он уже вступал.
 О всем событии судил толково,
 О кабане, что мертвый тут лежал,
 И как его нашли, и как стреляли,
 И как в него вдогонку попадали.

ССХІХ

Сказала Мензола: «Будь тут Диана,
 Что за подарок поднесли б мы ей!»
 Услышать было Аффрико желанно,
 Что далеко Диана: тем вольней.
 Но, побеседовав еще пространно
 О чудном звере, меж иных затей,
 Вот, цель устроив, занялись стрельбою
 И состязались в ней между собою.

ССХХ

И все еще ловчились тут пемало —
 То лук звенит, то прожужжит копьё.
 Вот Мензола копьё рукою сжала —
 Всех ближе в цель попало острие.
 Тому дивится Аффрико немало;
 Взял тотчас лук — и где копьё ее,
 В то место и его стрела вонзилась
 И к цели ближе всех с ним очутилась.

ССХХІ

Как мастерит Амур, когда захочет
 Кого-нибудь в другого вдруг влюбить,
 В тот день свой разум тонкий тоньше точит;
 Чтобы к концу событие торопить,
 Не словом — делом он его упрочит.
 Так и в тот день сумел он совершить,
 Что Аффрико и Мензола сумели
 Вдвоем стрелой попасть всех ближе к цели.

ССХХІІ

И вот уж Мензоле все больше мило,
 Что хвалят постоянно их двоих,
 И вот уже душою полюбила,
 И каждый миг сближает слаще их.
 И сладко Аффрико, и взоров сила
 Вольна — с нее не сводит он своих.
 Она что скажет — он уж полтверждает,
 Она ему все тем же отвечает.

ССХХІІІ

Но вот они стрельбой поутомплись
 И начали скучать своей игрой.
 Тогда оттуда прочь они пустились
 И тут же педалеко всей толпой
 Пришли к пещере, там остановились.
 Одна из нимф огонь несла с собой.
 И печь они кабапье мясо стали
 С другой дичиною, что настреляли.

ССХХІV

Уж солнце треть дороги совершило
 В своем течении, когда привал
 Всех нимф собрал. И тень их осенила:
 Огромный лавр ее на них бросал.
 Жаркое на широком камне было
 Положено. Приправы заменял
 Хлеб из каштапов, как тогда водилось:
 Зерна еще для хлеба не родилось.

ССХХV

А пили воду с медом отварную
 И с травами — то было их вино —
 Из деревянных чаш и вкруговую;
 В середине жбан — из дерева равно.
 И круг широкий нимф толпу живую
 Сомкнул у камня. Было суждено,
 Чтоб Африко и Мензола друг с другом
 Сидели рядом, сомкнутые кругом.

ССХХVІ

Пришел конец живому угощенью,
 Из-за стола тут нимфы поднялись
 И по горе, предавшись нежно пенью —
 Где две, где три, четыре, — разбрелись
 Туда, сюда, смотря по настроенью.
 Влюбленные и тут не разошлись:
 С тремя другими нимфами отлогой
 С холма пошли ко Фьезоле дорогой.

ССХХVII

Как мы сказали, Мензолу пленило
 Все в Аѳрико глубоко, торжество
 В стрельбе искусной, пламенная сила
 Сближения и речь — нежней всего,
 Как жизнь, она его уже любила,
 Без нагляденья глядя на него.
 Но никому и в мысль не западало,
 Чтоб их любовь запретная сжигала.

ССХХVIII

Она чистосердечно полагала,
 Что это нимфа из соседних гор.
 Мужчину не напоминал нимало
 Ни бледный лик его, ни томный взор.
 Узнай лишь то она, чего не знала,
 Любезной не была б, как до сих пор
 И как с другими,— предала б отмщенью,
 Бесчестью, истязанью, поношенью.

ССХХIX

Не нужно говорить — уж говорилось,—
 Как Аѳрико был в Мензолу влюблен.
 Но шел он с ней, в груди его таилось
 Такое пламя, был он так зажжен,
 Что таял, словно воск, а сердце билось.
 Он в созерцанье милой углублен;
 Прикосновенье, слово — все учтиво,
 И замирает в нем душа стыдливо.

ССХХХ

Он говорил себе: «Но что со мною?
 Что мне сказать себе? Что предпринять?
 Мое желанье только ей открою —
 Страхусь ее, обидев, потерять:
 Любовь сменится ненавистью злою,
 И все начнут меня, как зверя, гнать.
 А не решусь я ныпче ей открыться —
 Такому случаю не воротиться.

ССХХХІ

Когда б ушли дорогою своею
 Вот эти нимфы и остался б я
 В уединенье с Мензолой моею,
 Мне было б легче, больше не тая,
 Сказать, кто я, открыться перед нею,
 И вздумай побежать — уж власть моя
 Схватить ее умело, чтоб покинуть
 Меня уж не могла пли отринуть.

ССХХХІІ

Но нынче уж они, я полагаю,
 Ни на минуту не покинут нас;
 И если медлить, век не наверстаю
 Всех тех удач, что мне даны сейчас.
 Нет, сделать все, что в силах, — так решаю;
 Замедлить — потеряю все зараз». —
 Ее схватить он весь уже рванулся,
 Но удержался, милой не коснулся.

ССХХХІІІ

«О, научи, о, помоги, Венера,
 О, дай сейчас мне благостный совет!
 О, чувствую — исполнилася мера,
 Я должен взять ее, исхода нет».
 Мешаются сомнение и вера,
 И чудится погибель; мысли — бред.
 Меж *да* и *нет* он стал метаться думой,
 И жег больней огонь любви угрюмый.

ССХХХІV

Они спустились низко по склоненью
 Холма, и дол совсем уж близок был,
 Что делит две горы, — тут к утоленью
 Желаний Африко Амур спешил:
 Решил не медлить, и его томленью
 Лишь этот день он сроком положил.
 Так вместе шли они, — и их вниманье
 Вдруг привлекло в долине вод плесканье.

ССХХХV

Лишь несколько минут им было ходу,
 И подошли — и видят в озерке
 Двух обнаженных нимф, вошедших в воду.
 Гора против горы невдалеке.
 И в воду тоже входят, тем в угоду,
 Подолы приподнявши налегке.
 Беседуют, собираются купаться:
 «Что сделаем? Давайте раздеваться!»

ССХХХVI

Кругом жара сильнейшая стояла
 В то время дня; и их влекла тогда
 Прохладой, светлела и сияла
 Прозрачная, чистейшая вода;
 И думали: за чем же дело стало?
 Ведь никакого не грозит вреда.
 За нимфой нимфа тут разоблачилась,
 А Мензола к любимцу обратилась,

ССХХХVII

Сказав ему: «Подруга дорогая,
 Купаться будешь ли ты с кем из нас?»
 И молвил тот, спокойно отвечая:
 «Подруги, не отстану я от вас,
 Сладка мне воля ваша, не иная». —
 А про себя сказал он тот же час:
 «Коль все разденутся, так я решаю:
 Желанья своего уж не скрываю».

ССХХХVIII

Решил — пускай сперва разоблачатся
 Все нимфы: он — чрез несколько минут,
 Так, чтобы невозможно было взяться
 Против него им за оружие. Тут,
 Нарочно медля, стал он раздеваться,
 Чтоб кончить, как уж в воду все войдут
 И по лесу бежать им стыдно будет,
 А Мензолу остаться он принудит.

Он от одежд едва освободился,
 В воде уж нимфы были всей толпой.
 Тут, обнаженный, к ним он устремился,
 К ним обративши свой перед нагой.
 Все отшатнулись. Визгом разразился
 Отчаянный, дрожащий вопль и вой.
 И начали кричать: «Увы! Увы!
 Вот это кто. Теперь прозрели вы».

ССXL

Голодный волк на стадо так стремится
 И, на толпу овец нагнавши страх,
 Одну хватает, с ней далеко мчится,
 Оставивши всех прочих в дураках;
 Блея, бежит все стадо, суетится,
 Хоть шкуры-то спасая второпях.
 Так Аффрико, вбегая быстро в воду,
 Схватил одну — любви своей в угоду.

ССXLI

Другие в страхе — суета такая! —
 Вон из воды — к одеждам все спешат
 И впопыхах, себя лишь прикрывая,
 Скорей, едва одевшись, наугад,
 Одна другой совсем не замечая,
 Бегут и не оглянутся назад —
 Все врассыпную, кто куда, и в спехе
 Оставили на месте все доспехи.

ССXLII

А Аффрико в объятых, торжествуя,
 Сжал Мензолу, рыдавшую без сил,
 В воде — и, девичье лицо целуя,
 Слова такне милой говорил:
 «Ты — жизнь, ты — нега, коль тебя возьму я,
 Не отвращайся: мне тебя вручил,
 Душа души моей, обет Венеры,
 Не плачь хоть для богини, ради веры!»

ССХLIII

Но Мензола речей его не слышит,
И борется всей силою своей,
И крепкий стан туда-сюда колышет,
Чтоб из объятий вырваться скорей
Того, кто на нее обидой дышит;
По лику — слезы градом из очей.
Но он ее держал рукой железной —
И оборона стала бесполезной.

ССХLIV

В той их борьбе задумчиво дремавший
До той поры — отважно вдруг восстал
И, гордо гребень пышный свой поднявши,
У входа в испушенье застучал.
Бил головой, все дальше проникавшей,
Так, что вовнутрь вошел, не отдышал,
Ломился с превеликим воплем, воем
И словно бы с кровопролитным боем.

ССХLV

Мессер Мадзоне взял Монтефикалли
И в замок победителем вступил —
И вот его с восторгом тут встречали,
Кто гнал сейчас из всех последних сил.
Но после столь решительных баталий
Он буйну голову к земле склонил,
От жалости глубокой прослезился,
Из замка кротким агнцем удалился.

ССХLVI

Как видит Мензола, что против воли
Похищено девпчество ее,
Рыдая, к Африко в душевной боли
Оборотилась: «Совершил свое
И, дуру, обманул меня; хоть доле
Не медля выйдем: злое бытие
Сейчас прерву руками я своими;
Жить не хочу с страданьями такими».

ССXLVII

Услышал Аффрико слова печали,
 И на берег он вышел вместе с ней;
 Ее страданья лютые терзали,
 И тяжело он скорбел в душе своей.
 Его желанья торжествовали
 Отчасти, но вспылал еще сильнее
 Огонь в груди, сторицей распаленный
 Пред пей, такой несчастной и смущенной.

ССXLVIII

Одеться только лишь они успели,
 Схватила быстро Мензола копье,
 Ни слова не сказав — к последней цели,
 В грудь крепкое направив острие.
 Увидев мысль ужасную на деле,
 К ней Аффрико метнулся и ее
 Схватил под мышки, в лес далеко с силой
 Копье забросил и промолвил милой:

ССXLIX

«Увы, любовь моя, что ты хотела,
 Что за безумье совершить с собой?
 О злая мысль — на этакое дело
 Свирепое подвигнуть разум твой!
 О, мне, глупцу, какого ждать удела,
 Лишась тебя со всей твоей красотой?
 Минуты бы не прожил я в разлуке
 И на себя сам наложил бы руки!»

ССL

Сердечной мукой Мензола такую
 Томила, что у Аффрико в руках
 Упала, обмерла: а он с тоскою
 Уж видит смерть на меркнущих чертах.
 Обняв ее, он слезы льет рекою.
 Холодный душу сотрясает страх
 За жизнь ее; и нощу дорогую
 Он сокрывает в сень ветвей густую.

ССLI

Так вместе с ней поникнув под ветвями,
 Он левою рукой ее держал,
 А правую покрытые слезами
 Ланиты ей тихонько вытирал
 С суровыми и грустными речами:
 «О смерть, вот все, чего твой взор искал!
 Ты счастья моего меня лишила,
 А вместе с ним и мне — одна могила».

ССLII

Потом, лик помертвевший лобызая,
 «Любовь моя! — зывал он. — Для чего
 Злой этот день, судьбина эта злая
 Нас разлучила!» Взора своего
 С лица любимого все не спуская,
 Все говорил — и клял он торжество
 Своих желаний, что минутно было
 И Мензолу так страшно оскорбило.

ССLIII

Но, скорбь излив над помертвелым ликом,
 Что, бледный, не казался больше жив,
 Его не раз в мучении великом
 Слезами и лобзаньями покрыв,
 Не в силах жить в терзании толчком,
 Решил убить себя. Вот уж порыв
 Его с земли для смерти подымает —
 Как он услышал: Мензола вздыхает.

ССLIV

Дух Мензолы по воздуху посылся,
 Час не один в блуждании провел,
 И в тело накопец он воротился,
 В свои вместилища опять вошел, —
 Она пришла в себя, и вздох излился,
 И стон из уст, и горестный глагол:
 «Увы, увы, о если б умерла я!» —
 Она рыдала, не переставая.

Когда увидел Аффрико живую
 Вдруг Мензолу, что, мнилось, уж мертва,—
 Воскрес сердечной радостью одною,
 Заговорил утешные слова:
 «О роза ароматом и красою,
 Я за тебя страдаю, ты права;
 Но лишь не бойся и не ужасайся,
 Моей защите крепкой доверяйся.

CCLVI

Ты мне всех благ дороже и желанней —
 И ты теперь в объятиях моих.
 Нет сердцу моему большей страданий
 И безутешней — мук и зол твоих.
 И горе мне, я мнил — предел терзаний!—
 Что держит смерть тебя в цепях своих.
 Моя рука меня разить готова,
 Как слышу вздох твой и живое слово».

CCLVII

«Злосчастливая, о, как я истомилась!—
 Она сказала, взоры подняла.—
 Зачем я, глупая, на свет родилась,
 Зачем жива?— и слезы все лила.—
 Зачем сама в тот день не задушилась,
 В день первой встречи? Или б умерла,
 Как облеклась в Дианы покровы:
 Кабан бы растерзал меня суровый!»

CCLVIII

Ей молвил он: «Ах, не томись душою.
 Смотрю — и сердце падает в груди:
 Какою ты поражена тоскою,
 Не видя утешенья впереди,
 Считаю жизнь свою такою злою.
 Но от меня тревог себе не жди:
 Сильней себя — тебя люблю; со мною
 Ты будь навек желанною, одною.

CCLIX

А чтобы ты свободно доверяла
 Такой любви, как я сказал сейчас,
 Все расскажу я с самого начала:
 Тому четыре месяца как раз,
 Охотился, не думая нимало,
 Я тут один; иду, не торопясь,
 Вдруг из лесочка — голоса людские;
 Я подошел взглянуть, кто там такие.

CCLX

У вод я вижу светлую поляну
 И нимф сидящих, вижу между них
 Всех выше я владычицу Диану,
 И вас она, служительниц своих,
 Сурово учит, как прилично сану;
 Тут встретил взгляд мой взор очей твоих
 И всю красу твою; любви стрелою
 Тут поражен я был перед тобою».

CCLXI

Потом он рассказал ей, как сокрылся,
 Стоял и долго на нее глядел,
 И как по ней желанием томился
 И ею глаз насытить не умел,
 И милым этим ликом как пленился
 (Так говоря, лобзать его хотел),
 И как, когда уж нимфы разбредались,
 «Пойдем же, Мензола!» — слова сказались.

CCLXII

Поведал слезы ей и воздыханья,
 Обильно сеянные для нее,
 И все свои томленья и терзанья,
 И как дала Венера за житье
 Послушливое — в сонном обаянье
 Надежды слово крепкое свое,
 И сколько раз найти ее пытался,
 И обо всем ей рассказать старался.

CCLXIII

Потом — как раз ее в уединенье
 Он повстречал — и бросилась бежать —
 И лепетал он робкое моленье —
 И как жестоко было не внимать.
 И о копье, что в страшное мгновенье
 Вонзилось в дуб — а то б не миновать!
 О крике «Берегись!», о том, как скрылась
 И больше не сказалась, не явилась.

CCLXIV

Потом о приношении Венере,
 О том, какой дала она ответ,
 Как быстро он, вполне предавшись вере,
 Преобразился и, переодет,
 Явился с нимфой схожим в полпой мере
 И бросился сыскать единый след,
 Что нынче тут судьба ему судила.
 «Ты знаешь, как и я, что дальше было.

CCLXV

Я рассказал терзание сплошное,
 Что за тебя душой переносил.
 И потому, свершив насилье злое,
 Я делал лишь под властью мощных сил:
 Перед тобой мне чуждо все дурное.
 Но лишь Амур, что так меня томил
 Тобой, — всему виновник и причина.
 Прости его! Безумие — безвинно».

CCLXVI

Все Мензола отлично понимала,
 Что о любви своей он говорил —
 И как она впервой его объяла,
 И вещи, что Амур ему внушил, —
 Тут в ней самой уж сердце зашылало,
 И вздох ее глубокий затомил.
 Стрела Амура нимфе в грудь вонзилась,
 А мнила — тут предательство свершилось!

CCLXVII

Сказала: «Ах, я твердо вспоминаю —
 На днях один мне все вослед бежал;
 То был ли ты, другой ли, я не знаю,
 Что так меня жестоко оскорблял.
 И чтоб ему отместить — я утверждаю! —
 Я обернулась, гнев меня терзал,
 В него копьё метнула я всей силой,
 Но вижу — все за мной бежит постылый.

CCLXVIII

И помню я — когда б ипаче было! —
 Гляжу, копьё летит его сражать,
 Меня с чего-то жалость охватила,
 Кричу я: «Берегись!» — и прочь бежать.
 А дуб копьё, я вижу, обнажило
 И все в него вошло по рукоять.
 В лесу ближайшем скрылась я, горяя.
 Ты ль это был? Тебя не узнаю я.

CCLXIX

Я больше в жизни дня не вспоминаю,
 С тех пор Диане как посвящена,
 Чтоб видеть мужа. Если б (тицетно, зная!)
 Богами не была мне суждена
 С тобою встреча! Нет, я ожидаю —
 Дианою я буду изгнана
 С отступницами: мной мое изжито:
 Пещадной ею буду я убита.

CCLXX

И будешь ты, о юпона, причина
 Позорной казни, гибели моей.
 И хоть виновеп ты, а я невинпа,
 Жить будешь правым до исхода дней.
 В свидетели зовет моя кручина
 Диану, и деревья, и зверей,
 Что всею силою я защищалась
 И лишь насилием тебе достаясь.

ССLXXI

Я, чистая, певинная, тобою
 Обманута и низко предана.
 Но жизнь свою прервав своей рукою,
 Наверное от этого пятна
 Освобожусь. И с жизнью земною
 Я, глухая, расстанусь лишь, верна,
 Уж ты, довольный, жить как прежде станешь
 А бедную меня и не вспомнешь».

ССLXXII

Обняв ее, в порывистом рыданье
 Промолвил Аффико: «Безумец я,
 Но я ль тебя покину на страдашь
 Одну, любовь нежнейшая моя?
 Нет, за любовь ты дай мне обещаье:
 Исчезнет мысль несчастная твоя,
 Иль раньше на меня наложишь руки,
 Чтоб мига мне не жить с тобой в разлуке.

ССLXXIII

Немыслимо отныне разлученье
 С тобою, милая». И целовал
 Уста и лик — небесное виденье,
 И слезы глаз прелестных вытирал,
 И молвил: «В самом деле порожденье
 Ты райское», — и кудри ей ласкал,
 И, встав, сказал: «Кудрей столь золотистых
 Не видано — и столь прекрасно чистых.

ССLXXIV

Год, месяц, день и час благословенны,
 То время, место, где сотворено
 Все: этот лик, столь дивно совершенный,
 И тело, мудрой стройности полно.
 Когда же кто искал во всей вселенной
 И в небесах высоких — все равно, —
 Где сонм богов святой, — и там не снится
 Красы такой, чтобы с твоей сравниться.

ССLXXV

Ты ясный светоч всех благих деяний,
 Как и живой источник красоты!
 Исполненная чистых обаяний,
 Единственное средоточье ты
 Всех доблестей, души высоких знаний,—
 И путь мне укажешь с высоты!
 Ты сладостна, нежна, бела — не все ли
 Достоинства красой тебя одели?!

ССLXXVI

Так как же не желать — какою силой —
 Вкусить столь совершенной красоты,
 Как томная, в задумчивости милой,
 Ты, Мензола, вне всех сравнений, ты?
 Зла и намек бежит тебя, постылый,
 Не мучь меня, избавь от тяготы.
 Свершенное не может не свершиться —
 Так можно ль мне с тобою разлучиться?

ССLXXVII

И сделай же, мольбе моей внимая,
 Как мудрая, возьми из всех частей
 Ты лучшую — и да исчезнет злая,
 Испуганной душой воспринь скорей
 И обними меня, о дорогая,
 Как я тебя, душа души моей,
 Целуй меня сладчайшими устами.
 Лишь пожелай, услады будут с нами».

ССLXXVIII

Амура мощь без усталы вязала
 Сердечко Мензолы клубком речей
 Любезного, и тихо отлетала
 Ее печаль; и ясно было ей,
 Что уж не быть иному. И пылала
 Она любовью к Африко сильнее —
 Все той, какою нимфу в нем любила,—
 И слов его теперь пленяла сила.

Чуть удовлетворить его хотела
 И шею левой обвила рукой.
 Но целовать его еще не смела:
 Сама ему в поспешности такой
 Еще боялась ввериться всецело.
 «О глупая,— промолвила.— Какой
 Я дам ответ, коль рано или поздно
 Диана, все проведая, спросит грозно?

CCLXXX

Я ни с какою нимфой не посмею,
 Как прежде, искупаться в ручейке
 И, связана судьбиною моею,
 От каждой буду ныне вдалеке.
 Пойдут и обвинят меня пред нею,
 Узнавши, почему я в злой тоске.
 Жить одинокой я отныне буду,
 О том, чего искала, позабуду.

CCLXXXI

Убив себя, я знаю, прегрешенья
 Мне не избыть нимало, все равно;
 И ведь не соверши ты преступленья,
 То не было б и мной совершено.
 И будь обратного я убежденья,
 Мне б и до завтра не было дано
 Дожить: я за столь грешное деянье
 Достойное несла бы воздаянье.

CCLXXXII

Но так твои благие утешенья
 Преобразили вдруг всю мысль мою,
 Связали клятвенные уверенья,
 Что всю решимость гордую свою
 Забыла я. Но что до рассужденья,
 Чтобы пребыть со мной,— не утаю:
 Нет, ни за что! Тебя уйти принужу.
 Тут — грех на грех — и выйдет все паружу.

CCLXXXIII

Да ведь тебя, конечно бы, узнали
 Все нимфы, видевшиися с тобой
 В тот день, и прямо бы уж растерзали,
 Убили бы, узнав, кто ты такой.
 Поверили б они тебе едва ли,
 Что не знаком из них ты ни одной;
 А я сказала б каждой встречной смело,
 Что в нашей схватке я, мол, одолела.

CCLXXXIV

Тем более что всякого общенья
 Уж буду избегать по мере сил.
 И, юноша, не отвергай моления:
 Ты невозвратного меня лишил,—
 Оставь меня. Нести мои томленья
 Дай мне одной. Мне свет не будет мил,
 Но буду жить — и душу успокою.
 О, сделай так, молю тебя с тоскою!»

CCLXXXV

Конечно, понял Аффрико прекрасно
 Из этих слов, что уж своим огнем
 Амур пылать ее заставил властно,
 Но легкий стыд лишь ставит на своем.
 И, видя все, как на ладони, ясно,
 Сказал себе: «Отсюда не уйдем,
 Пока с тобой еще не потолкую,
 И запоешь ты песенку другую».

CCLXXXVI

Потом он молвил ей среди лобзаний:
 «О сладостные, милые уста!
 О лик прекрасный, всех моих желаний
 Единая цветущая мечта!
 Ты — женщина, одна из всех созданий,
 Что в жизни мне, как божество, свята!
 Я, глядя на тебя, воскрес душою:
 Взяв лучшее, ты небрежешь тщетою!

ССLXXXVII

Но в силах ли, любя настолько страстно,
 Перенести разлуку я с тобой?
 Один — я умираю повсечасно,
 С тобой — взнесен блаженною судьбой
 Превыше всех желаний полновластно!
 Но ведает Амур, какой тоской
 Томится жизнь моя и дни, и ночи,
 Когда не светят ей вот эти очи!

ССLXXXVIII

Но, скажем, пусть я мог бы удалиться,
 Как ты велишь, — тогда свести ли мне,
 Что думой одинокою томиться
 Осуждена ты по моей вине?
 И нашей встрече уж не возвратиться!
 Так жизнь моя, несчастная вполне,
 Таким страдашем миг наполнит каждый,
 Что будет смерть моей единой жаждой.

ССLXXXIX

Но, раз не хочешь ты, чтоб я с тобою
 Остался тут, пойти бы ты могла
 Здесь недалеко в домик мой со мною.
 И с матерью б моею ты там жила,
 И назвала б она тебя родною,
 Как милую бы дочку, берегла,
 И так же бы отец. Избушка наша
 С певесткой полная была бы чаша».

ССXC

«Нет, ни за что так делать не должна я,—
 Сказала Мензола.— Идти с тобой
 В твой дом! Нет, грех мой тяжело искушая
 Смиренной, покаянною мольбой,
 Крушиться буду, грешница такая.
 И прежде смерть моя придет за мной.
 Чем к людям покажусь на свет я божий,
 Венок утратив светлый и пригожий.

ССХСІ

Не с тем пошла Диане вслед я смело,
 Чтобы вернуться в мир любой ценой.
 Когда б за прялкой я сидеть хотела
 У матери иль мужнею женой,
 Далеко увело б такое дело
 С пути, что мне открыл отец родной,
 Меня любивший крепко. Покрывало
 Диарию пять лет меня спасало.

ССХСІІ

И вот молю — напрасно ли моление? —
 Из-за любви, о коей ты твердил,
 Что подняла тебя на преступленье,
 Чтоб ты сейчас один домой спешил.
 Клянусь тебе богиней, чье веленье,
 Чей выстрел, говоришь, тебя сразил:
 Твоя любовь мне будет жизни жаждой,
 Тебя любить я буду мыслью каждой».

ССХСІІІ

«Не будь во мне, — тот отвечал, — сомненья,
 Что твой обет исполнится точь-в-точь,
 Что мне отдашь ты сердца все бренья, —
 Я подозренья отогнал бы прочь.
 Но горше все обиды, огорченья, —
 И я боюсь: ничем уж не помочь;
 Раз ты в лесу, одна — так уж павечно
 И я оди. Мне страшно бесконечно».

ССХСІV

Она в ответ: «Сюда к тебе являться
 Я буду очень часто, чтобы нам
 Беседовать вдвоем, вблизи видаться
 Благоприлично — хоть по целым дням,
 И верь мне, слова буду я держаться
 И ждать тебя, — придешь ли только сам?
 Ведь ты уже связал меня, признаюсь,
 Я влюблена. Я, кажется, влюбляюсь».

ССХСV

От радости душою вострепнулся
 Вмиг Африко, такую слыша речь:
 Всех мыслей строй в ней сразу повернулся,
 Амур успел в ней как пожар зажечь.
 Черт ангельских лобзаньем он коснулся,
 Ее в объятья поспешил привлечь,
 Сказал: «Послушай моего ты слова
 И будь одна остаться здесь готова.

ССХСVI

Я жду, склонись, о роза молодая,
 Перед разлукой к милости одной.
 Ты знаешь, как, одну тебя желая,
 Искусно изощрял я разум свой,
 Чтоб овладеть тобой, звезда золотая,
 Теперь велишь расстаться мне с тобой.
 И вот молю: по своему влеченью
 Со мной на миг предайся упоенью.

ССХСVII

Довольней я и прочь тогда пушусь,
 Раз воля такова теперь твоя.
 О разреши, тебя я вновь коснусь —
 Да насладимся вместе — ты и я.
 А завтра я сюда к тебе вернусь —
 Увидеть вновь тебя, любовь моя:
 В тебе одной ведь все мои улады.
 Позволь — и жизнь исполнится отрады».

ССХСVIII

«Чего еще ты от несчастной хочешь, —
 Сказала Мензола, — и о какой
 Усладе с обездоленной хлопочешь?
 Ты счастлив был. Молю, дай мне покой,
 Уйди — и тем ты лишь себя упрочишь.
 А я останусь ждать тебя с тоской.
 Смотри, уж поздно, скоро солнце канет
 И кто-нибудь нас тут вдвоем застанет».

«Ты знаешь хорошо, какой явилась
 До сей поры с тобой услада мне,
 И что меж нас обоих совершилось,
 И сколько было горечи на дне,—
 Так разве полным счастьем сердце билось?
 Теперь спокойны оба мы вполне —
 Нам будут неотравленной отрады
 И пыл полней, и сладостней услады».

ССС

«Ах, не желай мне, юноша прекрасный,
 Чтоб худшее за злом вершила зло.
 Ведь если б ты нашел меня согласной,
 Мое страданье только б возросло —
 Лишь разразись Дианы гнев ужасный.
 Отчаянье мне душу облегло.
 Молю, как дара, уходи. Моя
 Печаль не будет меньше, чем твоя».

СССІ

«Душа моя, не горше сокрушенье,
 Чем от всего, что нами свершено,
 Получишь ты. Ведь это преступленье
 Осталось для Дианы так темно,
 Как и для всех. И ты ни на мгновенье
 Не пострадаешь. Нам сейчас дано
 Все сделать втайне. Кто же нас обидит?
 Ведь если кто, так бог один увидит».

СССІІ

И твердо знай: уйдя в глухие дали,
 Не одаренный ласково тобой,
 Умру я скоро от большой печали.
 О, сжался хоть немного надо мной!»
 И раз, и два уста се лобзали,
 Шепча: «Целуй же, цветик венный мой!
 Доверься мне; будь радостной и ясной,
 Не дай мне умереть с любви несчастной!»

СССIII

Со множеством прельщений и молений
 Пред Мензолой тут Аффрико поник —
 Раз во сто больше наших исчислений;
 Так жадно целовал уста и лик,
 Что много раз, и все самозабвенней,
 Пронзительный ему ответил крик.
 Ей подбородок, шею, грудь лобзая,
 Он мнил — фиалка дышит полевая.

СССIV

Какая башня твердо возвышалась
 Тут на земле, чтобы, потрясена
 Напорами такими, не шаталась
 И, гордая, не пала бы она?
 Кто б, сердцем женщина, тверда осталась,
 Его броней стальной защищена,
 Лобзаньям и прельщеньям недоступна,
 Что сдвинули б и горы совоюпно?

СССV

Но сердце Мензолы стальным ли было,
 Колебясь и борясь из крайних сил?
 Амура восторжествовала сила,
 Он взял ее, связал — и победил.
 Сначала нежный вкус в ней оскорбила
 Обида некая; но милый — мил;
 Потом помнилось, что влилось в мученье
 Желанье нежное и наслажденье.

СССVI

И так была душой проста девица,
 Что не ждала иного ничего
 Возможного: ей негде просветиться,
 Как человеческое естество
 Рождается и человек творится:
 Слышала вскользь — не более того;
 Не знала, что двоих соединенье
 Таит живого третьего рожденье.

СССVII

Целуя, молвила: «Мой друг бесценный,
 Какой-то властной нежною судьбой
 Влекусь тебе предаться непременно
 И не искать защиты никакой
 Против тебя. Сдаюсь тебе — и пленной
 Нет сил уж никаких перед тобой
 Противиться Амуру: истиранил
 Меня тобой — глубоко в сердце ранил.

СССVIII

И я исполню все твои желанья,
 Все, что захочешь, сделаешь со мной:
 Утратила я силы для восстанья
 Перед Амуром и твоей мольбой;
 Но лишь молю — яви же состраданье,
 Потом иди скорей к себе домой:
 Боюсь, что все же буду здесь открыта
 Подругами моими — и убита».

СССIX

Дух Африки тут радость охватила
 При виде, как в душу приятно ей;
 Ее целуя, сколько силы было,
 Он меру знал в одной душе своей.
 Природа их на хитрость убедила —
 Одежды снять как можно поскорей.
 Казалось, у двоих одно лишь тело:
 Природа им обоим так велела.

СССХ

Друг друга целовали и кусали,
 Уста в уста, и крепко обнялись.
 «Душа моя!» — друг дружке лепетали.
 Воды! Воды! Пожар! Остановись!
 Мололи жернова — не уставали,
 И оба распростерлись, улеглись.
 «Остановись! Увы, увы, увы!
 Дай умереть! На помощь, боги, вы!»

СССXI

Вода поспела, пламя погасили,
 Замолкли жернова — пора пришла.
 С Юпитером так боги пособили,
 Что Мензола от мужа зачала
 Младенца-мальчика; что в полной силе
 И доблести он рос — вершить дела;
 Все в свой черед — так о повествовань
 Мы доброе дадим воспоминанье.

СССXII

Так целый день почти что миновался,
 Край только солнца, видный, пламенел,
 Когда усладой каждый падышался,
 Все совершив, обрел, чего хотел;
 Тут Африко уйти уже собрался,
 Как сам решил, но все душой болел;
 И, Мензолу руками обнимая,
 Он говорил, влюбленный лик лобзая:

СССXIII

«Будь проклята, о почь, с своею тьмою,
 Завистница восторга нас двоих!
 Ведь я так рано принужден тобою
 Покинуть благородную! Каких
 Я ждал блаженств — и их лишен судьбою!»
 И много длительных речей иных
 В страдании глубоком изливалось:
 Разлука горше смерти показалась.

СССXIV

Стояла Мензола, мила, стыдлива,
 Потупившись, как будто бы грешна,
 Хотя уж не была она так живо,
 Как в первый раз, тоской удручена.
 Разнеженная, хоть чужда порыва,
 Была уже счастливее она.
 Обмана все-таки ей страшно было
 Невольно — и она заговорила:

СССХV

«Что можешь сделать ты еще — не знаю;
 Не уходить — предлог теперь какой?
 Любовь моя, тебя я умоляю,—
 Ты утолен со всею полнотою —
 Ты должен удалиться, полагаю,
 Не медля ни минуты здесь со мной.
 Ведь только если ты уйдешь, любимый,
 Я здесь могу остаться невредимой.

СССХVI

И лишь листок, я слышу, шевельнется,
 Мне чудятся шаги подруг моих.
 Так пусть тебе в разлуке не взгрустнется:
 Ведь от напастей я спасусь лихих.
 Хоть пред разлукой больно сердце бьется.
 Готова я, и страх во мне затих,
 А ночь близка, а нам идти далеко
 Обоим, чтобы дома быть до срока.

СССХVII

Но, юноша, скажи свое мне имя,
 И пусть оно останется со мной:
 Мне груз любви тяготами своим
 С ним будет легче, нежели одной».
 «Моя душа,— ответил он,— какими
 Жить силами смогу, простясь с тобой?»
 И назвал ей себя — и целовались
 Они без счета, нежно миловались.

СССХVIII

Влюбленные, готовые расстаться,
 Уже прощались столько, столько раз
 И не могли никак нацеловаться —
 Глав тысячу б я вел о том рассказ.
 Но это всем знакомо, может статься,
 Кто наслаждался так хотя бы раз,
 Кто знает, сколько несказанной муки
 В усладе, что обречена разлуке.

СССХІХ

Несчетных поцелуев не умели
 Они унять. Пойдут, скрепив сердца,
 Но шаг — и вновь назад, к желанной цели —
 Лобзать румянец милого лица.
 «Моя душа! Прощай! Зачем? Ужели?» —
 Друг другу лепетали без конца,
 Вздыхая, и расстаться не решались,
 Сходились вновь, и шли, и возвращались.

СССХХ

Но видя, что уж невозможно дале
 Отсрочить расставание никак,
 В объятия руки жадные сплетали,
 Друг друга, страстные, сжимая так,
 Что их бы силою не разорвали:
 Любовь не отступала ни на шаг.
 И долго так стояло изваянье —
 Любовники влюбленные в сливянье.

СССХХІ

Но наконец они разъединились,
 Пожала руку милая рука,
 На миг друг в друга пристально воззрились,
 Пришли в себя, опомнились слегка.
 И вот они, печальные, простились,
 Хоть и была разлука так тяжка.
 «Будь, Мензола, хранима вышней силой!» —
 «С тобою здесь, мой Аффрико, мой милый!»

СССХХІІ

Путь Аффрико к долине направляет,
 А в горы Мензола с копьём в руке,
 Задумчиво — и глубоко вздыхает
 О сбывшемся несчастью в тоске.
 И взор его ее сопровождает,
 Любуясь ей, еще невдалеке.
 Что шаг, то Аффрико оборотится,
 На непаглядную не наглядится.

СССХХІІІ

Шла Мензола, все время озираясь,
 Любуясь на любимого сверх сил,
 К сразившему ей сердце обращаясь,
 Что, как никто, желанен ей и мил.
 Движеньями и знаками прощаясь,
 Так дружку друг далеко проводил,
 Пока они не выбрались из леса
 И дали разделила их завеса.

СССХХІV

Наш Аффрико в то место устремился,
 Где утром он свою одежду скрыл;
 Пришел — не отдыхал, заторопился,
 Себя в мужское платье обрядил.
 Потом домой веселый воротился
 И там наряд он женский положил
 Скорей на место, чтобы не явились
 Отец и мать да платья не хватились.

СССХХV

И хоть и пребывали Алимена
 И Джирафоне в грусти не шутя,
 Все на дорогу гляючи бессменно:
 Не возвращается ль домой дитя? —
 Но, как увидели: идет — мгновенно
 Утешились, покой свой обрета,
 И начались расспросы: где скитался?
 Что долго так домой не возвращался?

СССХХVІ

Чтобы сокрыть любовное томленье,
 Оправдывался Аффрико и лгал:
 Хоть улеглось в груди смолы кипенье,
 Он глубже, чем когда-нибудь, пылал.
 С горошинку казалось измышленье,
 И говорить он сам с собою стал:
 «Когда же день придет на смену ночи,
 И я вернусь лобзать уста и очи?»

СССХХVII

Так все в душе безмолвно вспоминая
 В подробностях, что совершилось днем,
 И этим душу много улаждая,
 Все, что ни делали они вдвоем,
 Он повторял в уме. Но тьма почная
 Уж спать велит; он прочь — чуть не бегом,
 Хоть глаз сомкнуть и ни на миг не в сплах,
 Всю ночь во власти тех же мыслей милых.

СССХХVIII

Вернемся к Мензоле, что из долины
 Одна в задумчивости шла, порой
 Себя считая все же в зле невинной,
 Все каялась она и, лоб рукой
 Сжимая, думала: «Такой судьбиной
 Я сражена, и мой позор — такой,
 Что, смерть, приходи ко мне, тебя молю я,
 А то сама убью себя, горюя».

СССХХIX

Так горную вершину миновала,
 Спустилась вниз по склону, там как раз,
 Где солнце при восходе отражало
 Свой первый луч и где последний гас.
 И тут, как полагаю я, лежала
 Ее пещера, так — сказать на глаз —
 На выстрел лука, а внизу катился
 Веселый ручеек, журчал, резвился.

СССХХХ

И подошла она к своей пещере,
 С глубокой думою в нее вошла.
 Предстали вновь страданья и потери.
 «О горе мне! — она произнесла. —
 Зачем, прекрасная, по крайней мере
 Я у ручья в тот день не умерла
 Перед Дианой или в день злосчастный,
 Как мне явился юноша прекрасный!

СССХХХI

Не знаю, глупая, как появиться
 Опять к Диане мне? С каким лицом?
 Как повернуться? И на что решиться?
 Я вся горю и страхом, и стыдом,
 И все во мне как будто леденится,
 Дыханье в горле сдавлено клубком
 И от печали, и от жуткой боли,
 Томящей сердце, сжатое в неволе.

СССХХХII

Приди, о смерть, к несчастной обделенной,
 Приди же к этой грешнице мирской,
 Приди ты к ней, в несчастный час рожденной!
 Не медли ты! Чем, если не тобой,
 Счастлива буду с честью оскверненной
 Девической? Сердечный голос мой
 Твердит, что если не придешь ты скоро,
 К тебе приду навстречу — от позора.

СССХХХIII

Увы, подружки, думаете вы ли,
 Что я из круга вашего ушла?
 Увы, подружки, что меня любили
 Так искренно, покуда я цвела
 Невинностью, — теперь бы вы убпли,
 Как зверя дикого, исчадьё зла,
 Что чистоту навек свою сгубило
 И наши все законы преступило!

СССХХХIV

Именованъ вольны меня с тобою,
 О Каллисто, что, как и я, была
 Когда-то нимфой, после ж злой судьбою
 В тебя впилаь Дианина стрела.
 Зевс обманул тебя, и ты живую
 Медведя вид свирепый приняла,
 В лесах блуждая, от охот бежала
 И уж не говорила, а рычала.

СССХХХV

Дианина подруга, нимфа Чалла!
 Муньоне надругался над тобой,
 Диана ж поносить не перестала,
 Пронзивши с юношей одной стрелой!
 И стала ты ручьем, и зажурчала
 Волна Муньоне под твоей волной.
 В ваш круг отныне быть и мне приятой!
 Мое бесславье — этот день проклятый!

СССХХХVI

И то мне чудится — Диана тело
 Мне расплеснула быстрою рекой,
 То — шкурой зверя спину мне одела,
 То перья птицы стан покрыли мой,
 То — дерево — листвою я зашумела
 И потеряла прежний вид людской.
 Копье носить я недостойна боле
 И нимфою охотиться на воле.

СССХХХVII

Отец мой, мать моя! Вы, сестры, братья!
 Когда, меня Диане посвятив,
 Священные вы мне надели платя,
 Раздался, помню, твердый ваш призыв,
 Чтобы клялась Диану почитать я
 И всех, кто с ней. И, в горы проводив,
 Оставили — не с тем, чтоб я грешила,
 Но чтобы девство навсегда хранила.

СССХХХVIII

Не мыслите, что верность я попрала
 Святой Диане, что глухой тоской
 Душа полна; не знаете нимало,
 Какая боль сменила мне покой.
 А знали бы — как жалость бы бежала
 Родных сердец! И с ревностью какой
 Меня бы вы, отступницу, убили —
 И дело бы благое совершили!»

СССXXXIX

Так сильны были муки и рыданья
 Несчастной Мензолы, так тяжек был
 Жестокий вопль безмерного страданья,
 Что нет в стихах моих потребных сил
 Их выразить и дать именованья
 Хоть сотой доле их. Тот вопль, уныл,
 Растрогал бы деревья или камни,—
 Такая сила в слове не дана мне.

СССXL

И в сетованьях этих и в рыданье
 Вся ночь прошла. Но только воспарил
 Великолепный день в красе, в сиянье —
 Глаза ее в слезах отяжелил
 И, во всю ночь бессонное, сознанье
 С дыханием ее остановил,—
 Она уснула, слезы все роняя,
 От тяжкого страданья отдыхая.

СССXLI

А Аффрико, огнем любви пылая
 Как никогда, покоя не обрел;
 И, лишь увидел — ночь уходит, тая,
 Почти бессонный, поднялся. Пошел
 Он в гору, прямо к месту поспешая,
 Где накануне с Мензолой провел
 Сладчайший день и радости, и страсти,
 Что был потом тяжеле злой напасти.

СССXLII

Тут Мензолу застанет он, копецно;
 Но, не застав, сказал себе: «Ну, вот
 Ведь слишком рано». Начал ждать беспечно,
 Чтобы его она, когда придет,
 Застала здесь. Мнил, что не бесконечно
 То ожиданье. На венки сберет
 Цветов он пестрых. Вот он тихо бродит,
 Большие, малые цветы находит.

СССXLIII

Один сплетя, себе он надевает
 На кудри русые. Затем другой
 Плеть из цветов роскошных начинает,
 Меж ними ветви с ловкостью большой
 Дерев пахучих, пежных заплетает,
 Промолвив: «Этим же своей рукой
 Ей обовью головку золотую
 Когда придет, а после поцелую».

СССXLIV

Так Мензолы своей все дожидался
 Напрасно он: она еще спала;
 Цветы собирая, мальчик развлекался —
 И скука ожиданья не гнела,
 Он взором к лесу часто устремлялся —
 Туда-сюда: вот-вот, она пришла;
 Глядит и внемлет: лист зашевелится
 На кустике — уж Мензола помнится.

СССXLV

Но больше трех часов так миновало,
 А Мензолы все было не видать.
 Он столько ждал, что солнце уж пылало
 Так яростно, что тяжело дышать
 От жару было, и его пимало
 Цветы, венки не стали развлекать,
 Он тосковал, он ужасов боялся
 И взорами испуганно метался.

СССXLVI

И начал он: «Увы! — в душе взывая. —
 Что может это значить? Нет ее!»
 И, мысли странные перебирая,
 Искал унять смятение свое.
 Случайностей родилась в мыслях стая —
 Обильно ими всякое жптье, —
 И, жажда любой такой причипы,
 В уме он строил всякие картины.

CCCXLVII

Час близился к вечерням. Подступила
 Мгла сумрака, и день уж угасал,
 А Мензола так и не приходила.
 Терзался Аффрико и горевал,
 Растерянный; на сердце смутно было,
 Когда, решившись уходить, сказал
 Печально он: «Быть может, повстречались
 Подружки по дороге, привязались —

CCCXLVIII

Да, может быть, ее и удержали,
 И, значит, мне б ее напрасно ждать.
 И вижу — звезды ночи замерцали,
 А путь еще далекий мне держать.
 И в этой чаще странной пусть печали
 И ожидания смешны, — опять
 Сюда вернусь я завтра же с рассветом».
 И он пошел на холм в решенье этом.

CCCXLIX

Проснулась Мензола часу в девятом,
 Исполнена страданий и скорбей.
 В ее уме, сомненьями объятom,
 Вставала мысль, одна другой страшней.
 Она металась, как в кругу заклятом,
 И просто мысль не приходила ей
 О данном накануне обещанье
 Вновь к Аффрико вернуться на свиданье.

CCCL

Но так раскаянье и сожаленье
 Владели ей, что помогли решить:
 По договору — утра приближенье
 Встречать вдвоем — и вовсе не ходить;
 Но всей душой, во всем — в любом движенье
 Свой грех великий постараться скрыть,
 Так что, когда Диана вновь вернется,
 В ней подозренье и не шевельнется.

CCCLI

Но все ж не мог из памяти сердечной
 Исчезнуть Аффико; к нему она
 Что миг — то льнет, любви бесконечной
 И тайного желанья полна.
 Но так владел ей страх Дианы вечный,
 Что, мыслью робкой поработана,
 Туда уже не смела и прокрасться,
 Где Аффико иль где он мог попасться.

CCCLII

Так день прошел, еще, опять и снова,
 Прошла неделя, месяц миновал,
 Как Аффико не видел дорогого
 Лица любимой. Жил он и страдал.
 И все влекло его — не знал иного, —
 Все к лесу, где он Мензолу лобзал,
 И все ее разыскивал, блуждая
 И чудеса о ней воображая.

CCCLIII

Но не являлась облегчить томленья.
 Так что Фортуна сжалилась над ним,
 Скупая до сих пор на наслажденья,
 Увидев, как он бледен, как томим,
 Страдальцу оказала снисхожденье:
 Ведь отдых и ему необходим,
 А бродит он, беседуя с собою,
 Не ведая мгновения покою.

CCCLIV

И вот, когда второй уж месяц длился,
 Как, Мензолы не видеть осужден,
 Он большим бы страданием томился,
 Да был уж до предела доведен, —
 Казалось, будто в зверя обратился
 Всем видом, голосом, молчаньем он,
 И голова кудрявая тускнела,
 И все молчал, как будто онемелый, —

CCCLV

И пас однажды, как обычно, стадо
 В давно знакомом месте под горой,
 И в мысль ему вошло тогда, что надо
 Пойти туда, где давнею порою
 Ему клялася Мензола-отрада
 К нему вернуться. Кинулся стрелой,
 Большое стадо бросив без охраны,
 С одним копьём, один к своей желапной.

CCCLVI

И, подошедши к водам в той долине,
 Где Мензолой своею овладел,
 Глядел вокруг и, стоя посредине,
 «О Мензола,— сказать себе посмел,—
 Не верю, ты ль рушительница нынче
 Обета, что мне клятвой прозвещел
 Священною сюда ко мне вернуться?
 Ведь богу, мне ль — придется обмануться.

CCCLVII

Напомню ли, как тут мы обнимались,
 Слились в одно сплетенье жадных рук;
 Клялась вернуться, и очей касалась
 Уста — и лгал напрасной клятвы звук,
 И тут — не навсегда ль мы расставались?
 Меж нами даль горчайшей из разлук.
 Напомню ли, какие уверенья
 Ты расточала, чуждая сомненья?»

CCCLVIII

Перескажу ль все стоны, воздыханья,
 Что Африко, рыдая, издавал?
 И, беря неспосные терзанья,
 За мигот миг, вращаясь, восставал,—
 Малейшие любви воспоминанья,
 И добрые, и злые. Он страдал
 Час от часу неспосней и тяжеле —
 И кончить положил он в самом деле.

CCCLIX

И он остановился над водою,
 Копье в руке блестящее зажал
 И острое уставил пред собою,
 А древко в землю. «Злой Амур! —» сказал. —
 К какой судьбе я приведен тобою!
 Вот умираю, грозный час настал!
 И все же пусть мой миг последний минет,
 Когда надежда вовсе дух покинет.

CCCLX

О мой отец, о мать, спаси вас, Боже!
 Я ухожу в Аид, в угрюмый край.
 А ты, река, зовись со мною схоже
 И мой конец страдальный означай,
 Какого нет мучительней и строже!
 И взгляду всех живых напоминай
 Волной, мою кровью обагреной,
 Что пал я здесь, любовью пораженный».

CCCLXI

Промолвив так и к Мензоле взывая,
 Он сталью грудь насквозь себе пронзил,
 И, сердце та мучительно пронзая,
 Его сразила, юноша почил.
 И мертвого взяла волна речная,
 И дух от тела вольно воспарил,
 А воды, что долиною катились,
 Густою кровью ярко обагрились.

CCCLXII

Та речка — так, как и теперь, — делилась
 Пониже на два разные русла.
 Тем, что поуже, там волна катилась,
 Где хижина покойного была, —
 Волна кровавая. И вот случилось,
 Был Джирafone тут, как потекла
 Вода, что кровь. Сжал сердце ток бегущий
 Предчувствием большой беды грядущей.

CCCLXIII

И вот пошел туда, не молвив слова,
 Где было стадо, как он думать мог.
 Нет Африко,— напярғши силы снова,
 Он по реке со всех пустился пог
 Искать, откуда начался сурово
 Зловеще обогранный кровью ток,
 И отчего, и кто тому причина,—
 И подошел, и вот увидел сына.

CCCLXIV

Взглянул — лежит он в речке бездыханный,
 Грудь юную насквозь прошло копьё, —
 Чуть не упав, старик в тоске нежданной
 Вдруг попял горе горькое свое.
 Взял за руку его и с несказанной
 Печалью молвил: «Чье тут дело? Чье?
 Сыночек мой! Кто эту рану злую
 Нанес тебе и отнял жизнь живую?»

CCCLXV

Труп вынес из воды отец несчастный
 И положил, рыдая, па траву,
 И проклинал он этот день ужасный:
 «Сын ненаглядный, как переживу?
 Как мать узнает: сгинул сокол ясный,
 Его не видеть больше наяву?..
 Что делать нам, убогим, в горькой доле?
 Одни мы одинешеньки — доколе...»

CCCLXVI

И вбитое копьё из сердца вынул,
 И на железо он глядел с тоской.
 «Сынок мой, кто со злобой ярой ринул
 Его в тебя, с свирепостью такой,
 Что красный день мой уж навеки минул? —
 Он говорил, рыдая. — Где покой?
 Уж, верно, тут Дианы злое жало.
 Ей, ненасытной, нашей крови мало».

CCCLXVII

Но вот, оглядывая неустанно
 Копье со всех сторон, он в нем узнал
 То, что при сыне было постоянно.
 Тут, света уж невзвидев, зарыдал:
 «О, что же тут за дикий случай странный?
 Сынок мой глупый, бедный! — он сказал. —
 К нему пришел ты сам ли злой судьбою,
 Расчелся ль кто твоим копьем с тобою?»

CCCLXVIII

Потом, поплакав долго и уныло,
 Он сына поднял на плечи себе
 И с тем копьем, что было так постыло,
 Отнес его домой, к родной избе.
 И матери поведал все, как было,
 Все время плача, о лихой судьбе,
 И, показав копье, того не минул,
 Как сам его из груди сына вынул.

CCCLXIX

А плакала ли мать тут безутешно,
 Об этом никому не пужно слов,
 И не пересказать бы мне, конечно,
 И вопль, и плач, и поздний тщетный зов,
 И как она, страдая в тьме кромешной,
 Кляла Фортуны и самих богов,
 Лицом к лицу сыночка прижималась
 И в муках, и рыданьях надрывалась.

CCCLXX

Но наконец, как чтить умерших строгий
 Повелевал обычай той порой,
 Так тело, после скорби слезной, многой,
 Рождавшей плач, и жесткий вопль, и вой,
 Сожгли, рыдая с мукой и тревогой,
 С великой, безутешною тоской,
 Как те, что в этой жизни благо знали
 Единственное — и его теряли.

CCCLXXI

А после пепел стынущий собралл
 Костей сыновних и к реке пошли,
 Где воды все багряные бежали
 И кровью сына милого цвели.
 У берега там землю раскопали
 И пепел в ней глубоко погребли,
 Чтоб имя там его не погасало,
 Но реку навсегда знаменовало.

CCCLXXII

С тех пор, как ныне, реку люди стали
 Прозваньем Аффрико именовать:
 И там в тоске и горе пребывали
 Отец-страдалец, мученица мать.
 Так Аффрико окончил жизнь в печали.
 О милом память — речке сохранять.
 Оставим их и возвратимся снова
 Мы к Мензоле, о ней продолжу слово.

CCCLXXIII

А Мензола тем временем страдала
 И грустно, и раздумчиво жила.
 Но все ж, попяв, что облегчить нямало
 Всего, что совершилось, не могла,—
 В несчастиях терпенье обретала
 И, как бывало, снова начала,
 Хоть изредка, с подругами встречаться
 И, хоть и против воли, оживляться.

CCCLXXIV

И повстречать не раз ей приходилось
 Тех нимф, что были с ней, когда она
 Досталась Аффрико. Все, что случилось,
 И все другие знали уж сполна,—
 Не о грехе, конечно: говорилось
 О том, как честь успешно спасена.
 И Мензола, умея лицемерить,
 Заставила в свое спасенье верить.

CCCLXXV

И с каждым днем спокойней становилась
 И тверже Мензола, убеждена,
 Что к ней все уваженье сохранилось
 Ее подруг, считавших, что она,
 Как и они же, чести не лишилась,
 И лжи ее поверивших сполна,
 Так что казалось ей, что и Диана
 Уж ни греха не вскроет, ни обмана.

CCCLXXVI

Не значит это, что она изгнала
 Из сердца Африко, иль чтоб могла
 Забыть услады прежние, — нимало;
 Иль чтоб его тихонько не звала,
 Когда не страшно, или не вздыхала
 По нем частенько, ласково-мила;
 Влюбленную, любовь ее страшила, —
 Она огонь глубоко в сердце скрyla.

CCCLXXVII

И, как всегда, бродить уже решила
 С подружками она, с копьем в руке,
 Охотясь. Вот в том месте очутилась,
 Где Африко сдалась. И вдалеке
 Любуясь, завздыхала, умилилась,
 Чуть слышно молвя в сладостной тоске:
 «Мой Африко, всей радостью земною
 Ты здесь унился, овладевши мною!

CCCLXXVIII

Теперь уж я не знаю, что с тобою,
 Но, думаю, тоскуешь обо мне
 Глубоко. Только не моей виною:
 Страх не дает мне мыслить об огне».
 Так говоря, желала всей душою,
 Чтоб Африко доволен был вполне,
 Теперь уверенная уж заране,
 Что все здесь тайна — нимфам и Диане.

СССLXXIX

Так Мензола любила и не смела
 Любить — и подневольною жила,
 Лицом прекраснейшим чуть побледнела,
 Затем, что в лоне тихо зацвела
 Плодом любви и им отяжелела.
 Три месяца в неведение была,
 Что быть ей матерью, в великой боли
 Родивши сына — и не минуту доли.

СССLXXX

Природа между тем свой ход свершала,
 И на четвертом месяце, слышпа,
 Жизнь существа быть ясной начинала,
 Которое в себе несла опа.
 Всем этим озабочена немало,
 Дивилась Мензола, изумлена,
 Что стан и бедра явно пополнели,
 И так окрепли, и отяжелели.

СССLXXXI

И Мензола, не ведая, в чем дело,
 Была тут очень всем удивлепа, —
 Ведь никогда ни сына не имела,
 Ни дочери; и думала она;
 «Иль это к худу, что теряет тело
 Всечасно стройность? Верно, я больна,
 И с каждым днем я становлюсь тяжеле, —
 Упасть бы хоть безвольно, в самом деле!»

СССLXXXII

Близ Мензолы — по берегу с полмили —
 В то время нимфа некая жила
 (Ее жильё чащобы затаили),
 Во врачеванье сведущей слыла
 Превыше всех и знала в полной силе
 Премудрости науки — без числа.
 И ей уж больше сотни лет считалось,
 И нимфа Синедеккья называлась.

CCCLXXXIII

К ней Мензола-простушка побежала
 И молвила: «О мать, мне твой совет
 Необходим». И тотчас рассказала,
 Что чувствует и как боится бед.
 Та головой поникшей покачала,
 Смущенная, и молвила в ответ:
 «Ты, дочь моя, с мужчиной согрешила,
 И не могу, чтоб это тайной было».

CCCLXXXIV

Тут Мензола всем ликом покраснела,
 Такие речи слыша, со стыда;
 И, видя, что не скрыть такого дела,
 Потупилась, робея; и, горда,
 Обидеться хотела — не посмела,
 Увидела, что не минет беда
 В глазах у той, что все уже узнала,
 И молча, и не глядя зарыдала.

CCCLXXXV

И Синедеккья тотчас убедилась
 Из этих слез и чистого стыда,
 Что не по доброй воле все случилось,
 Что тут не преступленье, а беда.
 И бедная пасильно подчинилась.
 Она смягчилась несколько тогда
 И, чтобы деву ободрить немного,
 Заговорила медленно и строго:

CCCLXXXVI

«Тут прегрешенье, дочь моя, такое,
 Что не мечтай надолго скрыть его.
 И так как сделала ты зло большое,
 Не должно, чтоб гордыни торжество
 Тебе сказало: это все — пустое;
 Ведь вправду ты погибла оттого.
 Попробуем помочь; скажи мне: кто же
 Похитил чистый цвет твой, всех дороже?»

CCCLXXXVII

Но Мензола словца не проронила,
 А со стыда поникла головой,
 В колени Синедеккы лик сокрыла,
 Услышавши один вопрос такой.
 И вместо глаз лишь два потока было,
 Наполненных обильною водой,
 И непрерывно так она рыдала,
 Безмолвная, и все не отвечала.

CCCLXXXVIII

Но в речи Синедеккы вдруг открылось
 Ей все — и сквозь рыдания и стон
 Отрывисто, чуть слышно повинилась:
 Как юношей обман произведен,
 Как дело началось и как случилось,
 Как ею овладел насильем он.
 А после все отчаянней рыдала
 В огне стыда и к смерти все взывала.

CCCLXXXIX

Старуха нимфа, слыша, как все было,
 Какую тонкую сплетая сеть,
 Ее в обман вовлек юнец постылый,
 Несчастной не могла не пожалеть.
 И вот ее немного пожурпла
 За промах, чтоб ей вновь не потерпеть
 От легковерья, чтоб уж не грешила,
 Вновь обмануть себя не допустила.

СССХС

И столько ободрить ее сумела,
 Что перестала Мензола рыдать;
 Ей обещала дочерью всецело
 Ее считать, во всем ей помогать;
 Предупредить заране захотела
 И стала ей такую речь держать:
 «Послушай, дочка, речь мою толково,
 Вникай во все от слова и до слова.

СССХСІ

Со дня, как ты впервые согрешила,
 Как полных девять месяцев пройдет,
 Родишь дитя. И чтобы легче было,
 Взывай к Люцине в первый же черед,
 Моли ее, тебе поможет сила
 Богини милосерднейшей. И вот,
 Когда дитя родится, мы рассудим
 И дальше все ко благу делать будем.

СССХСІІ

Об этом же не думай ничего ты,
 Мне предоставь. Уж в сердце я своем
 Обдумала подробно все заботы
 Вслед за рождением, знаю обо всем.
 А ты смотри, чтоб не было охоты
 Отсюда выходить, чтоб о твоём
 Грехе никак, пигде бы не узнали
 И злейшей не нажить тебе печали.

СССХСІІІ

Нет, оставайся ты одна в пещере,
 Широкие одежды заведи,
 Без пояса, и так по крайней мере
 Свои грехи от взоров огради.
 И в тишости, спокойствии и вере
 Дни кроткие разумно проведи,
 И часто приходи ко мне: тебя
 Учить я буду, как блюсти себя».

СССХСІV

Такие речи ободреньем были
 Для девушки. «О мать,— она в ответ,—
 Меня к падежной пристапи стремили
 Мой грех, мое безумье — море бед,
 И вижу ясно я и в полной силе,
 Что в вашей помощи — добро и свет,—
 И ей, и вам я предаюсь сердечно,
 Другой опоры лишена навечно».

СССХСV

«Теперь ступай. Что раз я обещала,—
Сказала Синедеккья,— то за мной.
И ни о чем не думай ты нимало,
Таи лишь крепко грех невольный свой».
А та слезами щеки орошала,
«Исполню»,— молвила, пошла домой,
Пришла тропой кратчайшей, как и прежде,
Немного укрепленная в надежде.

СССХСVІ

И там жила задумчиво, страдала
И не ходила, как всегда, кругом
И лишь с собой в уме воображала
Все Аффрико с сияющим лицом,
И так как в теле полным возрастала
Все время, постоянно, с каждым днем,
Одежды все без пояса носила
И к Синедеккье часто заходила.

СССХСVІІ

И сердце начало расти так властно
За перодившееся существо
Любовью к Аффрико, такую страстной,
Что больше не желала б ничего,
Как быть лишь неразлучно с ним всечасно
В тот страшный день — паденья своего.
По нем она все время сокрушалась,
Его звала, слезами обливалась.

СССХСVІІІ

И в думе той не раз она ходила
На место, где была осквернена,
Там Аффрико застать все время мнила,
Пойти домой хотела с ним она.
Но не решалась — как-то стыдно было —
Явиться одинешенька-одна
К его избе; и все же приближалась
Туда не раз — и снова возвращалась.

Но тщетно разыскать его хотела:
 Не знала, что отчаялся он в ней,
 А телом так она уж пополнила,
 Настолько стал младенец тяжелей,
 Что для хождения силы не имела.
 И вот — все у пещеры у своей,
 Уж не ища нигде, она стояла:
 Вот-вот он подойдет — все ожидала.

СD

И так-то к пей судьба благоволила:
 В то место, где она когда-то свой
 Грех приняла, туда не заходило
 Все это время нимфы ни одной, —
 А их тогда вокруг немало было;
 Как удивила б их она собой —
 С лицом худым от горя и заботы,
 Забывшая недавние охоты!

СDІ

Меж тем — что совершала зачастую —
 Во Фьезоле Диана прибыла —
 И радость по горам тогда живую
 Весть о ее возврате разлила,
 Встречали нимфы гостью дорогую,
 Толпа их собиралась, весела,
 На праздник прибывало много люду
 Из ближних мест и дальних отовсюду.

СDІІ

Узнала все и Мензола без слова,
 Явиться не хотела перед ней,
 Чтобы не быть ей принятой сурово,
 И думала: «Пойду — беды своей
 Не скрою, я на это не готова,
 И мука будет мне — всех мук больпей».
 И Сипедеккья также отзывалась,
 Чтобы не шла, а у себя скрывалась.

CDIII

Как раз в один из этих дней случилось:
 В своей пещере Мензола была —
 Великой болью в теле затомплась.
 Родов богиню громко призвала —
 И тут младенцем — сыном — разрешилась.
 Его с земли Люцина подняла
 На шею к ней — рекла: «Еще свершилось
 Великое событие», — и сокрылась.

CDIV

Как ни безмерно то страдание было,
 Что испытала Мензола, — впервой
 Ее такая доля затомила, —
 Взглянула только: родился такой
 Прекрасный мальчик, что всю боль забыла.
 Рубашечку старательной рукой
 Ему надела, грудью напштала
 И в этот день без счету целовала.

CDV

Ребенок был так мил красою чистой,
 Так бел, что любоваться б без конца, —
 С кудрявенькой головкой золотистой;
 И так во всем напоминал отца:
 Его ресницы, взгляд его лучистый
 И самый очерк пежного лица —
 Весь в Африко! За сходство то живое
 Для Мензолы он был милее вдвое.

CDVI

И пежностью такой к нему горела,
 Глаз не могла, любуясь, оторвать.
 Нести же к Синедекке не хотела,
 Чтоб от себя его не отдалять;
 Казалось ей, как на него смотрела,
 Что видит Африко. И с ним играть
 Пыталась и ловить его уловки,
 И гладила рукою по головке.

CDVII

О Мензоле Диана вопрошала
 Не раз ее подружек. Где она?
 Ответ ближайших был, что не бывала
 Давно в горах у них, что не видна
 Нигде как будто, где всегда гуляла.
 Иные говорили, что больна
 Она, должно быть, оттого с другими
 К ней не пришла подругами своими.

CDVIII

И раз ее найти расположилась
 Диана — нимфа ей была мила —
 И в обществе трех нимф туда пустилась,
 Где бедная приют себе нашла.
 К пещере тотчас же она явилась
 И впереди других туда вошла
 Уверенно; по пет ее. И стали
 Подруги звать ее, втроем кричали.

CDIX

Она ж неподалеку тут, в долине,
 С ребеночком своим пришла к реке,
 В тепле играя, радуясь о сыне;
 Вдруг слышит, голоса невдалеке
 Зовут, так громко, ясно, по-латыни.
 Дивясь, глядит — Диана налегке
 И с ней подруги. Сверху поспешают,
 Но все еще ее не замечают.

CDX

Так Мензолу тогда ошеломило
 Явление Дианы, что молчком,
 Вся, вся со страху трепеща, укрыла
 Дитя в кусту терновника густом,
 Оставив одного; что силы было,
 Взялась — куда глаза глядят, бегом,
 Тайком, тайком вниз бережком пустилась,
 Леском, леском неслышно устремилась.

CDXI

Но скрыться не могла, как ни бежала:
 Дианин взор беглянку настигал,
 И тут она младенца услышала,
 Он плакал и пронзительно кричал;
 Тогда Диана ей вослед сказала,
 И громкий голос грозно грохотал:
 «Напрасно, Мензола, уйти хлопочешь!
 Ведь захочу — ручья не перескочишь».

CDXII

Вот выстрелю. От стрел моих не скрыться,
 Хоть, грешница-простушка, ты смела!»
 Но Мензоле уж не остановиться —
 По склону все бежала, как могла, —
 Вот у ручья, вот переплыть стремится
 Его скорей. Диана тут рекла
 Такое слово — и реке велела,
 Чтоб Мензолу та выпускать не смела.

CDXIII

Несчастливая уж в воду погрузилась,
 Вдруг чувствует, что ноги не идут —
 И вот, как то Диане рассудилось,
 Водю Мензола и стала тут.
 И навсегда с рекой соединилось
 То имя — и по ней кругом зовут
 Везде ту реку Мензолой поныне.
 Я рассказал вам, по какой причине.

CDXIV

Узрели пимфы, бывшие с Дианой,
 Как обернулась Мензола водой
 И вниз теперь течет рекой пространной,
 С былой любовью к деве молодой
 Воззвали, плача о сестре названной:
 «О, что за грех владел твоей судьбой,
 Что, бедная, несчастная подруга,
 Бежишь водой, волна с волной, средь луга?»

CDXV

Диана им в ответ: чтоб не рыдали,
 Что казнь дана сурово по заслуге;
 Что сами грех ее они видали,
 Им мальчик плачем выдал грех подруги.
 Потом велела, чтоб ребенка взяли
 Из колкого терновника на луге.
 Тут нимфы поспешили куст раздвинуть,
 Взять на руки дитя, оттуда вынуть.

CDXVI

И нимфы от младенца в восхищенье,
 Наперерыв прелестного ласкать
 И утешать бзялись в одном решенье —
 Его в горах с собою удержать,
 Но испросить робели позволение.
 Диана же его не медля взять
 И к Синедекке отнести велела
 И, с ними в путь пойдя, взялась за дело.

CDXVII

Пришедши к Синедекке, объяснила,
 Как этого ребеночка нашла,
 Где Мепзола в кусточке положила
 И грех сокрыть хотела — не смогла.
 «Она уйти через долину мпила,
 Да после уж не долго прожила:
 Ее река насильно удержала,
 Сама водой по нашей воле стала».

CDXVIII

И слезы при Дианном вещанье
 Старуха нимфа с жалостью лила,
 Вся — к Мепзоле несчастной сострадапье,
 Она младенца на руки взяла
 И молвила Диане: «О сиянье,
 О солнце наше! Я одна была
 Известна о грехе; мне повинилась
 И мне она всецело подчинилась».

CDXIX

Потом Диане все порассказала,
 Как Мензола была осквернена:
 И где, и как не доброй волей пала,
 А юношей обманута она.
 «Богиня, верою клянусь,— вещала,—
 Ведь я всегда была тебе верна,
 Когда б не я, она б себя убила.
 Поверь мне: только я не допустила.

CDXX

Но раз ее ты превратила в воду,
 Молю, по крайней мере, отпусти
 Со мною мальчика. Дай мне свободу
 Его в долины дальние снести
 К живущему там исстари пароду,
 К мужам и женам: вспомню я пути.
 Отдам его, они его полюбят
 И лучше нас возрастят и приголубят».

CDXXI

Диана, услышав такое слово,
 Как Мензола осквернена была,
 В жестокости раскаяться готова
 К любимице, что ей мила была,
 Но, чтобы все деяния такого
 Боялись, педоверья вид взяла,
 Сказавши Синедеккье, что устроен
 Младенец будет так, как он достоин.

CDXXII

И, уходя со всей своею свитой,
 Младенца Синедеккье отдала.
 А та, когда уж гости именитой
 Не видно было, прямо с ним пошла
 На холм, с холма — в край, для нее
 открытый,
 Где Мензола дитя приобрела:
 Весь берег тут она отлично знала —
 В горах недаром долго проживала.

CDXXIII

Уже она от Мензолы слыхала,
 Как звался тот, кто деву соблазнил.
 А после от нее и то узнала,
 В какую сторону он уходил.
 Итак, все это взвесив, полагала
 Уверенно, что этот мальчик жил
 Вот тут, в долине, где очам явилась
 Избушка, что внизу одна дымилась.

CDXXIV

Туда спустилась не без утомленья.
 Вдруг видит Алимену пред собой.
 И говорит: «Большие приключенья
 Свели меня, почтенная, с тобой,
 И нам необходимы объясненья.
 Так выслушай, прошу, рассказ ты мой.
 О злом несчастии, что приключилось,
 Как это существо на свет явилось».

CDXXV

И тут же все, как было, рассказала:
 Как юноша, что Аффрико звался,
 Взял силой нимфу. Точно описала:
 Что, где, когда — и как, уже нося,
 Та долго ничего не понимала,
 Как после чудный мальчик родился,
 И как потом Диана обратила
 Ее в волну, и где все это было,

CDXXVI

И как дитя Диана усмотрела
 Меж терния, и как оставить ей
 Его при нимфах после захотела.
 Но тут, во время этих всех речей,
 Младенцу Алимена поглядела
 В лицо — и говорит: «Ах, ах, ей-ей,
 Оп вылитый мой Аффрико!» Хватает
 Ребенка на руки и обнимает.

CDXXVII

И от великой радости рыдает,
 Любуется на внука; не его,
 Нет, Африко живого обнимает,
 Вновь обретая сына своего,
 И с пезностью великой лобызает,
 И говорит: «Сынок мой, до чего
 Мне тяжело слышать, как погиб несчастный
 Бесценный твой отец — мой сын
 прекрасный!»

CDXXVIII

И старой пимфе изливаться стала,
 Рассказывать про сына своего,
 Как мука долгая его терзала
 И злая смерть постигнула его.
 Чуть Синедеккья это услышала,
 Жаль Африко ей стало до того,
 Что вместе с ней расплакалась. А вскоре
 Пришел и Джирафоне мыкать горе.

CDXXIX

Как он услышал, что случилось, тоже
 От радости и горя слезы лил
 И любовался, как дитя пригоже, —
 Казалось, Африко пред ними был
 Живой и прежнего еще дороже.
 В ответ на ласки мальчик, тихо мпл,
 Увидя, что к нему старик нагнулся,
 Ему с любовью кровной улыбнулся.

CDXXX

Такая радость в них торжествовала
 Великая, что если б сердца их
 К двоим влюбленным жалость не смягчала,
 То в самом деле никогда таких
 Счастливых на земле и не бывало.
 Но, убедясь, что в них друзей своих
 Сыскала, Синедеккья все ж проститься
 Снешила, чтобы в горы воротиться.

CDXXXI

Тут Джирafone, а вослед за другом
 И Алимена также воздает
 Благодаренье всем ее услугам
 Несчетно, уваженье и почет.
 Но Синедеккья, ласково супругам
 Откланявшись, не медля в путь идет,
 К своим горам обратно поспешая
 И старикам младенца оставляя.

CDXXXII

В горах повсюду весть распространилась
 Немедленно, узнали все кругом,
 Как Мензола водою обратилась,
 И многие печалились о том.
 Но вскорости Диана удалилась
 Отсюда, чтоб вершить в краю другом
 Дела свои, как то обычно было,
 А прежде нимф беседой укрепила.

CDXXXIII

Оставшись, нимфы ближних поселений
 Ту реку стали Мензолою звать.
 Вернемся к Джирafone, к Алимене,
 Что молоком от стад своих питать
 Старались внука не без затруднений
 И стали Прунео именовать —
 По тернию, в котором он сыскался, —
 Как он с тех пор всегда именовался.

CDXXXIV

И рос он, так красив, так было тонко
 Его лицо, что если б создала
 Природа кистью этого ребенка,
 Стройней бы, краше сделать не могла.
 И пылкий сделался, ловчее львенка,
 И сила в нем безмерная была,
 И на отца он походил так чудно,
 Что даже отличить бы было трудно.

CDXXXV

И дед его оберегать старался,
 И бабка — будь то ночью или днем.
 Как Африко, отец его, скончался,
 Не раз ему поведали о том,
 Чтоб мальчик навсегда уже боялся
 Идти его погибельным путем,
 И о судьбе, что мать его терпела.
 Так восемнадцать лет ему приспело.

CDXXXVI

Тогда Атлант в Европе появился,
 В той местности, с народом без числа,
 Что по Тоскане после расселился,
 Подробно те описаны дела,
 И Аполлон с искусствами дивился,
 Как местность фьезолапская цвела
 Привольнейпей, с холмамн и долипой,
 Во всей Европе, горной и равнишпой.

CDXXXVII

Атлант воздвигнуть здесь распорядился
 Град Фьезоле, как он его назвал.
 Народ помалу весь переженился
 На нимфах, что внизу еще застал;
 А кто из них оружием пробился,
 Тот навсегда те холмы покидал.
 Так нимф тогда, как на охоте, гналп,
 А полоненных в жены забирали.

CDXXXVIII

Всех жителей окрестных той порою
 Атлант в свой новый город пригласил,
 И Джирafone с первой вестью тою
 Туда весьма охотно поспешил,
 Жену привел и Прунео с собою,
 Что был любезен, и краспв, и мил,
 И доблестен, — к Атланту он явился,
 С почтением спшьору поклонился.

Атлант в особенном благоволенье
 Приветил старца, обласкал его,
 Такое молвил доброе реченье,
 Взяв за руку, как друга своего:
 «О мудрый старец, коль переселенье
 Решил — послушай слова моего:
 Когда здесь жить ты заблагорассудишь,
 Мне на́большим советником ты будешь».

CDXL

И поселишься в крепости со мною,
 А вместе этот сын прекрасный твой».
 Тут речью отвечал старик такую:
 «Тебе, Атлант, совет посильный мой
 Всегда готов, коль волею благою
 Прикажешь ты. Но дивно мне: с тобой
 Есть мудрые мудрей меня — ты знаешь,
 А все ж меня доверьем облакаешь».

CDXLI

«Ты прав, немало опытного люду, —
 Атлант ответил, — прибыло со мной;
 Но вижу: здесь ты постари повсюду
 Бывал, надежен опыт местный твой;
 Что хорошо, что плохо, знать я буду,
 По всем местам путеводим тобой,
 И будешь ты многополезен словом
 На этой почве нам, пришельцам повым».

CDXLII

Ответил тот почти что сквозь рыданья:
 «Увы, Атлант, ты прав глубоко в том,
 Что древен я. И злые испытанья
 Свидетельствуют о житье моем.
 Тому немного лет, как для страданья
 С женою здесь остался я вдвоем,
 И лишь потом пам отдаи внук прекрасный,
 Его отцом был наш сынок несчастный».

CDXLIII

Потом ему поведал все, что было
 Меж Африкой и Мензолой его,
 А после — что Диана поразила
 Мупьоне насмерть, — как и отчего
 Погиб несчастный. Слово пояснило
 Окрестность поселения всего:
 О каждой речке рассказал он были,
 Откуда те прозванья получили.

CDXLIV

Потом к Атланту он оборотился,
 Сказав: «На все, что повелишь, готов».
 Атлант благодарил, потом дивился
 На Прунео — и, полн благих даров,
 Его душе тот сразу полюбился.
 И, подозревая его, без дальних слов —
 «Прими, — он рек, — мое благоволенье
 И за столом моим пещи служестье».

CDXLV

Так Джиррафоне оказался скоро
 Советником Атланта, не прося,
 А Прунео удачливо и споро
 За дело службы с толком принялся,
 Став подлинно утехой для взора.
 И, сверх того, его природа вся
 Была столь пылкой, сильной, что тускнели
 Соперники пред ним во всяком деле.

CDXLVI

В охоте всякой мастер нарочитый,
 Он лучше всех преследовал зверей;
 И в прыганье, и в беге знаменитый,
 На состязаньях был он всех ловчей;
 Диану бы со всей блестящей свитой
 Оп, лучник, одолел стрельбой своей.
 Приятной снисходительностью права
 Он был так мил, что не расскажешь, право.

CDXLVII

Атлант за ум, за жизнь достойных правпл
 Любовью возлюбил его такой,
 Что сенешалом с торжеством поставил
 Над всем народом и своей землей
 И как правителя его прославил.
 И вел народ он с ласкою такой,
 Что все его душевно полюбили —
 За все воздать умел он в должной силе.

CDXLVIII

Как двадцать лет ему уж миновалось,
 Атлант ему невесту сговорил —
 Тирония девица называлась,
 Отец ее барон презнатный был,
 И с ним она пока не расставалась.
 Атлант ему всю область подарил,
 Что Мензола с Муньоле омывали, —
 Его как бы приданым наделяли.

CDXLIX

Повыше церкви, что теперь в Майано,
 Себе хоромы Прунео сложил —
 Округа открывалась тут пространно —
 И дом обзаведением снабдил;
 И весь тот край, радея постоянно,
 Из дикости к порядку обратил,
 От всей души судьбу родного края
 С великою любовью устрояя.

CDL

Тут большей частью жил он, дни за днями
 В довольстве и веселье провождал
 И, говорят, гуляя меж ручьями,
 Отца и мать нередко навещал,
 С их душами беседовал словами
 И их ответ отчетливый слышал,
 И вздохи их печали, и живые
 Повествованья про дела былые.

CDLI

И долго, одолев судьбы уроки,
 Жил Джирафоне. Но пришла чреда,
 Исполнились должайшей жизни сроки,
 И он расстался с миром навсегда,
 Вручивши Алимене вздох глубокий.
 Когда сочлись и для нее года,
 Ее в прекрасном месте положили
 Близ Джирафоне и в одной могиле.

CDLII

В пространных землях Прунео остался
 С Тиронией. И десять принесла
 Она сынов, и всякий красовался
 Обычаем, делами без числа;
 Когда же каждый браком сочетался
 И численность их рода возросла,
 Во Фьезоле гражданствуя богато,
 Над всем соседством жили таровато.

CDLIII

Скончался Прунео, с слезами боли
 Он всей округой был похоронен.
 Осталось сыну каждому по доле,
 Какой один Атлантом взыскан он,
 В благоустройстве и на вольной воле.
 Был каждый в равной мере наделен,
 И завсегда они все родом целым
 Владели тем обширнейшим уделом.

CDLIV

Но Фьезоле узнало разрушенье,
 И римлянами все разгромлено;
 Отхлынуло тут к Риму населенье,
 И только племя Аффрико одно
 Все собралось в разбитом укрепленье,
 Что Прунео построено давно.
 Все, как могли, получше разместились,
 Построили дома и в них укрылись.

CDLV

И Фьезоле уже не обповлялось,
 Когда Флоренцию построил Рим,
 И население знатное осталось
 В плену, не возвратясь к домам своим.
 Оно по большей части разбрелось
 И расселялось по местам чужим,
 Как племя завоеванное, жило
 И помощи ни в ком не находило.

CDLVI

По поемногу гнев угомонился,
 С теченьем времени и мир настал.
 Народ, опять свободный, воротился
 И римлянам о зле не поминал,
 И в мощную Флоренцию вселился
 Род Африко, пришел меж них и стал,
 Радужно принят в местном населенье,
 В почете жить, в любви и уваженье.

CDLVII

А чтобы не было и подозренья —
 Весь род же был когда-то оскорблен, —
 И чтобы дать живые побужденья
 Любить страну, где стал любимым он,
 Расточены все были уверенья,
 Роднились с ними там со всех сторон,
 Их как сограждам глубоко любили
 И всячески, как было должно, чтитлп.

CDLVIII

Так рос народ, богатство и убранство,
 Флоренция мужала и росла,
 Царил покой и быта постоянство.
 Но — эта грань из многих книг светла —
 Уже туда явилось христианство,
 Когда орда Тотилы все смела,
 До основанья крепости сломила,
 Жгла, рушила, народы полонила.

CDLIX

Потом свирепый повелел Тотила
 Во Фьезоле всю крепость обновить
 И кликнул клич, чтобы туда, как было,
 Кто хочет — вновь перебирался жить,
 Где Фьезоле прикрытие сулило,
 За коим безопасным можно быть,
 И клялся вечной потрясать войною
 Враждебный мир со всей его странюю.

CDLX

На это, полный гордого презрепья,
 Род Африко вернуться не желал,
 Но перешел опять в свои именья,
 На прежний холм, где древле пребывал,
 Где каждый уж имел свои строения,
 Воздвигли укрепленья здесь и вал
 Защиты ради, коль дойдет до спора,
 От фьезоланцев и от их напора.

CDLXI

И долго это пребываенье длилось.
 Но добрый Карл Великий поспешил
 Италии на помощь, обновилась
 И ожила страна, он защитил
 То обновленье. И соединилось
 Потомство Африко, и собран был
 Совет родов, что здесь в округе жили
 Как беглецы. И тут постановили:

CDLXII

С посольством в Рим к погам отца святого
 И короля великого должна
 Явиться весть — отчетливое слово:
 Их дочь повержена, разорена,
 Лежит в пыли, нет гражданам покрова,
 Насильственно покипута она,
 Жилищ и дел не возвести из праха
 И не избыть от фьезоланцев страха.

CDLXIII

Но это все подробно в должном месте
 Описано — я кратко передам.
 Флоренция пред папой в этой весте
 Предстала сострадательным очам.
 Великий Карл, с победой в поле чести,
 Не медля, к нашим подошел местам,
 Флоренцию воссоздал он из пыли,
 Она ж потом к его служила силе.

CDLXIV

И вот с другими вместе возвратились
 Потомки Африки здесь обитать
 И постепенно всюду расселились,
 Так обо всех мне и не рассказать.
 Но мужи именитые явились
 Из них повсюду — их мне не назвать,
 Как и других, что были вслед за ними,
 Незнаемы братьями своими.

CDLXV

Так пусть и остается это дело —
 Желанной пристани достигнул я,
 Куда морями дальними летела,
 Влюбленностью пылая, мысль моя.
 Мое перо покою захотело,
 Свершил я волю, сердца не тая,
 Одной, кого послушаться не смею,
 Кого зову владычицей моею.

CDLXVI

Итак, труда венчая окончаеье,
 Тому его хочу я принести,
 Кто дал мне мощь, и вспомоществованье,
 И слог, и ум стихи мои вести —
 Амуру, — лишь ему я в послушанье
 Хочу пребыть, как был, в своем пути,
 Благодарить посильным приношеньем,
 Но предварить особым извиеньем:

CDLXVII

Амур-владыка, царственный от века,
 Кому с его величьем мощных сил
 Всегда послушно сердце человека,
 Против кого никто не властен был,
 Хоть низкому тяжка твоя опека,
 Покамест и его ты не сломил,
 Раз пожелав — и тем полней ты властен
 Над духом, что высокому причастен, —

CDLXVIII

Ты тот, кто волен, если пожелаешь,
 Великое к свершению привести!
 Ты тот, кто мир иль бой ниспосылаешь
 Своим рабам, венец ли или месть!
 Ты тот, кто их сердца преображаешь,
 Чтобы порой навек к отцу вознесть!
 Ты тот, кто в оправданье, в осужденье
 Даруешь мощь или уничиженье!

CDLXIX

Я — из числа рабов твоих раб верный,
 И мне сложить поручено тобой
 Повествованье это, и в безмерной
 Покорности, как донною одной
 Мне внушено, свершил нелицемерно
 Я это дело, вдохновлен тобой,
 Как разум мой возмог в смиренной части,
 Мне данной от твоей высокой власти.

CDLXX

Но я молю, как должно в этом деле
 И правильно, мне милость оказать,
 Чтоб эту книгу никогда не смели
 Невежды те негодные читать,
 Что и не захотят, как не хотел,
 Тебя в твоём могуществе познать.
 Уверен я, что в честь твою писанье
 Всегда в них встретит только порицанье.

CDLXXI

Оставь ее воспитанным душою,
 Кому ты знак на лица положил,
 И кротким ангельски перед тобою,
 Где ты в сердцах царишь во славе сил:
 Для них не будет быть твоя дурною,
 Но хвал достойным все, что ты явил.
 Прими же их, владыка. Пред тобою,
 О нежный, дай мне вечно быть слугою.

CDLXXII

«Добро пожаловать, слуга послушный,
 Приверженнейший из всех людей,
 Ты, что вложил весь пыл свой прямодушный
 В свершенье этой книжечки моей.
 В пей то, чего желал я; и радушно
 Ее я принимаю; место ей
 Даю среди других повествований,
 Среди моих великих всех деяний.

CDLXXIII

И слышал я, и дам я совершенно
 Всему, чего ты у меня просил.
 Уберегу я книгу от прочтенья
 Того, кто никогда мне не служил;
 Я не боюсь: их суете — презренье,
 Им не умалить мпе присущих сил;
 Но имя пусть мое в молчанье строгом
 Блудут они. Ты ж оставайся с богом».